

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
АНДРЕЙ ЕГОРОВ

ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Алексей Пехов

Последний Завет

«Автор»

«Автор»

2003

Пехов А. Ю.

Последний Завет / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор», 2003

ISBN 978-5-9922-0957-0

Привычного мира больше нет, есть только обломки минувшего: лежащие в руинах пустынные города, звери-мутанты и люди – разобщенные и сломленные. Спасти родной клан от фанатиков Новой веры, пройдя через сотни опасностей, предстоит разведчику клана Ветродувов Герману и Госпитальеру Францу.

ISBN 978-5-9922-0957-0

© Пехов А. Ю., 2003

© Автор, 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	31
Глава четвертая	46
Глава пятая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алексей Пехов, Андрей Егоров

Последний завет

Глава первая

*ПУСТЬ СУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ ЛЮДЬМИ,
ГОВОРЯТ:*

В мире, где живут одни лишь тени, лучший способ существования – стать одной из них. В мире, где тени диктуют условия жизни, лучший способ существования – подчиняться этим условиям.

В мире, где тени пребывают в иллюзиях и веруют в наступление светлого будущего, – веровать.

ВНЕМЛИТЕ ГЛАСУ ЧИСТОГО РАЗУМА:

В мире, где живут одни лишь тени, лучший способ существования – влиять на них.

В мире, где тени диктуют условия жизни, вы должны стать их полновластными хозяевами, а они пусть станут вашими рабами и рабами ваших идей.

В мире, где тени пребывают в иллюзиях и веруют в наступление светлого будущего, ваше предназначение – указать им путь в ад.

*Последний Завет. Книга Нового мира. Послание заново рожденным.
Ст. 50*

Крысочка потянулся и, выпустив когти, протяжно зевнул – показал всему свету редкие острые зубы. Герман сбросил остатки дремоты, встал и, перешагнув через развалившегося на бетонном полу зверя, подошел к окну. Дождь никак не желал прекращаться, хотя по прошествии двух часов успел превратиться из тугого ливня в липкую серую морось.

Герман накинул капюшон куртки, призванный защитить его голову, если в падающей с неба воде вдруг окажется какая-нибудь ядовитая дрянь. Сейчас шанс попасть под “горячий дождь” не так велик, как в былые времена, например, сразу после окончания Последней войны, но кому же охота рисковать собственными волосами и здоровьем? Герману совсем не улыбалось до конца жизни ходить лысым, как Старый Кра, который по глупости попал лет тридцать назад под “горяченький дождик”.

Старый пьяница Кра выглядел крайне отталкивающе. Впрочем, Герман видел в своей жизни и таких (язык не поворачивается назвать их людьми), у кого на голове вместо волос шевелилась живая червивая каша, словно клубок крохотных змей, готовый в любой момент ужалить всякого, кто к ним приблизится. Вот это действительно омерзительное зрелище.

– Пожалуй, стоит посидеть в укрытии еще с полчаса, – пробормотал Герман и, повернувшись к крысочке, спросил: – У тебя какие мысли на этот счет, тупая скотина?

Крысочка, как всегда, ничего не ответил, только дернул хвостом. Это всякие ненормальные, вроде Мегаников с их оголтелым религиозным фанатизмом, привыкли думать, что любые мутанты (будь они хоть лягушkokроты) обязательно должны говорить и распространять ересь среди кланов. На самом деле крысочка был существом вполне безобидным – в религиозные споры никогда не лез, да и вообще предпочитал любому общению хорошую еду. Попросту говоря, крысочка был обыкновенным зверем, не лишенным, правда, некоторых врожденных талантов. Судя по мокрым следам на полу, пока Герман дремал, Гнев бегал прогуляться. Наверное, опять охотился на ревунов. Интересно, как долго он отсутствовал?

Герман вновь подошел к разбитому окну и, прижавшись к стене, выглянул на улицу. Напротив дома, где он прятался, высилось строение с провалившимся куполом – Централь-

ный вокзал Города. Несмотря на середину лета, было по-осеннему холодно, и в опускающихся на Город сумерках уже мелькали первые туманные нити. Туман – вечная беда этой части Города. Недалеко река, да и из подземки сырой мутной дряни вываливается больше, чем жевал и медведкочервей вместе взятых. Герман не любил туман. Туман скрывает и обманывает. Никогда не ясно, что еще в нем может скрываться, поджидая тебя, готовое обрушиться на спину, едва ты пройдешь мимо.

Крысочот вдруг вскочил и наострил уши. Где-то за вокзалом раздался едва различимый гул монорельса.

“Опять Меганики что-то задумали, – подумал Герман, – в последнее время от них житья не стало. Нет, положительно пора сваливать отсюда, пока неприятности не пришли за мной сами”.

Герман чувствовал себя весьма неудобно, что, впрочем, немудрено – на этот раз он слишком далеко забрался – от территории родного клана, а Мусорщики, которым принадлежал этот район Города, не слишком жаловали чужаков. Точнее, совсем не жаловали. А уж если у чужака с собой полный мешок семян и корнеплодов, которые он выкрал у них с грядки, тогда вообще труба. Если поймают, в лучшем случае прикончат сразу. А скорее всего, заберут с собой в подземные норы и там будут пытаться...

Звук монорельса затих в туманной дали. Следовало уходить, но Герман никак не мог решиться. Через полтора часа стемнеет, и разум говорил ему, что лучше переждать ночь здесь, на верхнем этаже давно заброшенного здания. А вот внутреннее чутье подсказывало иное.

Герман снова выглянул в окно. Ничего не изменилось – серое, угрюмое здание Центрального вокзала, мокрый от дождя асфальт, ржавый остов автомобиля, неизвестно как оказавшийся прижатым к выгнутому фонарному столбу. Все, как и прежде, вот только тумана стало больше, словно его кто-то подгонял. Что-то смущало Германа. Что-то здесь было не так...

“Придется вновь воспользоваться запретным”, – подумал Герман и чертыхнулся про себя.

Он не слишком любил проделывать ЭТО, осознавая про себя, что это неправильно, да и многие в клане Ветродувов не терпели ничего запретного. Не то чтобы они были заодно с Меганиками, и все же отношение к запретному у них было самое негативное. Герман с детства привык скрывать свои особенные способности, но как долго он сможет прятать талант внутри себя? Когда-нибудь они непременно узнают и заклеят его Универсалом или того хуже – мутантом...

Герман вздохнул и, присев возле стены, принялся сканировать частоту за частотой, спектр за спектром. Мысль его блуждала где-то далеко, а глаза были абсолютно пусты. Если бы кто-то взглянул в этот момент на Германа, он решил бы, несмотря на едва заметное подрагивание пальцев, что человек оставил свое тело и отправился куда-то погулять.

Так и есть! Предчувствия не обманули охотника. В Центральном вокзале кто-то скрывался – он засек на одной из частот едва различимый шорох сердечного ритма. По крайней мере, Герман очень надеялся, что это – человек, а не какой-нибудь мутант. Человек?! Но что он там делает? Скрывается от дождя? Возможно. А может быть, и нет. Может, это кто-то из Мегаников с монорельса? Маловероятно. Эти по одиночке никогда не ходят. Тогда кто? Может, незнакомец отслеживает именно его?

Решено! Он уйдет немедленно. Герман забросил мешок на спину, взял в руки арбалет, топнул по полу, призывая крысочота – наряду со словами зверь подчинился и специальному набору команд, состоявшему из одних жестов, прикосновений и в гораздо меньшей степени слов. Пригнувшись, Герман побежал к лестнице. Спустился на первый этаж. Затем в подвал. Незнакомец наблюдает за выходом, а через окно подвала, выходящее на противоположную от Центрального вокзала сторону, можно выбраться незаметно. Герман швырнул из окна тяжелый мешок, подтянулся и выбрался на мокрый асфальт. Крысочот прыгнул, мгновенно оказав-

шись рядом. Он всегда был рядом в нужную минуту. Верный спутник, бессловесный и преданный, готовый вцепиться в глотку любому врагу, угрожавшему жизни хозяина. Герман тронул Гнева за ухом, и тот едва слышно пискнул, радуясь случайной ласке хозяина.

Герман усмехнулся. Пусть тот, кто наблюдает за ним, и дальше мозолит себе глаза. Только Германа там уже нет. Если парень догадается, что его облапошили, и пойдет следом – всегда можно воспользоваться арбалетом.

“Добычу не отдам, – подумал Герман, – лучше умру... А еще лучше – прикончу того, кто следит за мной, и посмотрю, что у него в карманах. Может, найдется что-то ценное”.

Вдоль улицы Герман бежал медленно, пригнувшись, прижимаясь к стенам домов, нависающим над растрескавшимся от времени асфальтом, – опасался, что кто-то или что-то может заметить его и напасть. Конечно, бежать вдоль зданий тоже опасно: их никто не ремонтировал со времен Последней войны, иногда простое прикосновение приводило к мгновенному разрушению. На той неделе, например, рухнул один из небоскребов в районе, принадлежащем дружественному клану Бастиона. Поговаривают, что под его обломками погибли десятки людей. Да и зияющие провалы окон могут скрывать любую мерзость. Мутанты имеют обыкновение нападать неожиданно. А некоторые ходят настолько бесшумно, что их не услышал бы и Старый Кра, об остроте слуха которого ходили легенды. Хорошо, если это окажутся безобидные ревуны – их можно не опасаться, а вдруг кто-то другой – не в меру зубастый и прожорливый? В любом случае идти вдоль домов намного безопаснее, чем по центру улицы. Проще уж сразу заорать: “Я здесь!”, привлекая к себе всеобщее и в общем-то ненужное внимание.

Несколько раз Герман останавливался – вслушивался в тишину, разлившуюся на сумеречной улице, и косился на крысokота, но зверь и в ус не дул. Значит, опасности нет или же она такая, что крысokот попросту не может ее учуять. Дважды оборачивался – нет ли погони, но все было тихо. Похоже, ему удалось перехитрить незнакомца.

Герман поспешил дальше, дав зверю команду следовать за ним. Перебрался через завал, образовавшийся после того, как рухнуло здание городской ратуши, прыгнул на ржавые рельсы, по которым в далеком прошлом ползали локомотивы, прошел по ним метров триста и свернул на узкую, уже знакомую ему по более ранним вылазкам улочку. Теперь до границы района Мусорщиков было рукой подать. Следовало сохранять осторожность. Помошники черти вполне могли оставить наблюдателя или того хуже – посадить кого-нибудь с арбалетом на верхние этажи ветхих зданий. Герман знал, что обычная куртка, скроенная из кожи жабы, от арбалетного болта не спасет, а потому решил, что вести себя нужно тише воды ниже травы. Уже не один следопыт Ветродувов сгинул в районе Мусорщиков, понадеявшись на собственную удачу и утратив осторожность.

Конечно, проще всего было протопать по рельсам еще два километра и по железнодорожному мосту, перекинутому через реку, перейти на территорию своего клана, но уж больно не хотелось шляться по открытой местности. Поэтому-то Герман и свернул на неприметную, на первый взгляд, улочку. Здесь он был всего раз, да и то с другой стороны. Мрачный силуэт буквы “U” расстроил Германа до невозможности. Чего ему для полного счастья не хватало, так это находящегося по соседству спуска в подземку. Вот уж от чего следует держаться подальше! Конечно, слухи, бродившие по Городу, о тех тварях, что поселились в подземельях Франкфурта – детские сказки, но в сказках, как показывает многолетняя практика, всегда есть доля истины. Иногда из темных жерл подземелья выползают самые жуткие твари или, что порой еще хуже, выходят те, кто когда-то был людьми. Обычно это происходит, когда река разливается и заполняет водой подземные коммуникации, но иногда у живущих под землей появляются иные мотивы выползти на свежий воздух. Например, пожрать. Герман по опыту знал, что явление “подземных красавцев” происходит обычно в самый неподходящий момент, когда никаких неприятностей не ждешь. А они вот на тебе, сами пришли!

Герман проверил, снят ли предохранитель, и, перебежав на другую сторону улицы, двинулся вперед, продолжая коситься в сторону темного провала – спуска в подземку. Запретным в данном случае пользоваться было бесполезно – Герман мог ощущать на расстоянии только человека или кого-то напоминающего человека. На всяких медведкочервей и прочих “очаровательных плотоядных созданий” его дар (и его проклятие) не действовал.

Как оказалось, опасался он не зря. Вот только опасность пришла совсем с другой стороны. Крысочот предупреждающе взвизгнул. Герман отпрыгнул в сторону (с тяжелым мешком за плечами такой фокус проделать было не так-то просто) и очень даже вовремя... Длинный аркан языка выстрелил из ржавого корпуса того, что когда-то было автобусом, и щелкнул в воздухе там, где Герман был мгновение назад. Следопыт вскочил, вскинул арбалет. Язык со свистом втягивался в распахнутую пасть жабобыка – тварь вывалилась из автобуса. Крысочот хрипел, будто у него прохуились легкие, но вперед не лез – не тот вес. На асфальте от языка осталась длинная полоса слизи. Герман, понимая, что через несколько секунд тварь вновь “выстрелит” языком, спустил курок, и бесценный пороховой болт, снаряженный специальным наконечником, ударил в голову монстра. Раздался громкий хлопок, и во все стороны полетели ошметки. Толстое туловище качнулось и повалилось на асфальт, разбрызгивая воду и желтую кровь. По улице загуляло эхо от выстрела.

Первым делом Герман перезарядил арбалет. Затем проверил, действительно ли тварь мертва и нет ли в автобусе ее дружка – небольшие размеры зверя и красные полосы на морде утвердили его в мысли, что это самка, а значит, дружок должен шариться где-то поблизости. Автобус был пуст. То ли самка была убежденной мужененавистницей и не боялась встретить одинокую старость, то ли самец вышел на очередную охоту и рыщет по району Мусорщиков в поисках пропитания. Герман пришел к выводу, что пора немедленно убираться из этой небезопасной местности.

– И вовсе ты не тупая скотина, Гнев, прости, дружище. – Герман погладил животное по серой шерстке. Лысый, острый хвост крысочота вытянулся в струну, и он оглушительно защелкал зубами от счастья.

На этот раз следопыту повезло. Впрочем, самки жабобыков – вечно голодные и ленивые твари – не так уж и опасны, в отличие от самцов, но, испытывая голод, и они могут запросто проявить агрессию. Как это только что и произошло. К тому же эти твари весьма навязчивы. Прицепится к тебе такая вот мадам весом в пару сотен килограммов – и сбивай ее с “хвоста” до потери сознания.

Герман выругался, он не сомневался, что после выстрела о его присутствии узнала вся улица, поэтому он подхватил мешок и уже собирался припустить восвояси, как вдруг позади сухо щелкнул затвор. Звук этот напомнил Герману закрывающуюся крышку гроба, когда в апреле прошлого года хоронили его возлюбленную – Альбу. Вспомнились кровавые сполохи огня на лицах, гроб горел очень медленно, языки пламени лизали белое дерево, а мать Альбы плакала, закрыв лицо ладонями. Самый неприятный звук в его жизни, и почему-то до сих пор снится ему ночами.

Небольшая неприятность с жабобыком напрочь отбила у Германа присущую ему осторожность, и неизвестный тут же этим воспользовался. Теперь ему предстоит столкнуться с противником куда более умным и изощренным, нежели самка жабобыка. Если незнакомец умеет держать в руках стрелковое оружие, значит, дела совсем плохи.

Все это промчалось в голове за считанные секунды.

– Бросай арбалет и поворачивайся, только очень медленно, – сказал голос за спиной, – и пусть твои руки все время будут у меня на виду. Согласен?

– Конечно, – выдавил Герман, отчаянно соображая, что предпринять.

Гнев зашипел, присел на задние лапы и приготовился к прыжку.

– Зверю своему скажи, чтобы вел себе поспокойнее, если не хочешь, чтобы я его прострелил...

Герману показалось, что голос неизвестного дрогнул, но он решил не торопить события и топнул, призывая крысочку остаться на месте. Тот послушался, но уши по-прежнему прижимал к голове, а в его горле клочкотало рычание-кашель. Герман разжал руки, поморщился, когда арбалет упал на асфальт, и, стараясь не делать резких движений, повернулся.

Первое, что почувствовал Герман, увидев незнакомца, – облегчение. Парень хоть и держал в руке старенькую огнестрельную винтовку, явно не принадлежал к Меганикам. И не Мусорщик, слава богу! Правда, лица его Герман не мог видеть – оно было под капюшоном, но зато на рукаве его куртки (даже сумерки и густой туман не смогли этого скрыть) красовался большой белый знак – круг, перечеркнутый волнистой линией. Клан Бастиона. Этого-то какими судьбами сюда занесло? В любом случае с представителем Бастиона всегда можно договориться.

– Это ты был в Центральном вокзале? – спросил Герман куда более уверенно, чем раньше. Кажется, незнакомец опешил от такой наглости.

– Здесь вопросы задаю я! – процедил он.

– Клан Ветродувов никогда не ссорился с кланом Бастиона, – заметил следопыт.

– Ой ли? – сказал человек, но уверенности в его голосе поубавилось.

Если с Германом что-то случится и Ветродувы об этом прознают, то у Бастиона будут серьезные неприятности. И вполне вероятно, что этому парню перепадет от его же клана за то, что он втравил своих братьев в маленький пограничный конфликт. Исходя из этих рассуждений, Герман сказал:

– Ты ни за что не выстрелишь.

– Почему ты так уверен? – Теперь дуло винтовки смотрело Герману прямо в лицо.

Очень неприятное ощущение.

– На выстрел сбегутся все Мусорщики.

– Были бы здесь Мусорщики, они бы давно прибежали. Ты же тут такой шум устроил.

– Сравнил: мелкий пороховой заряд и выстрел из винтовки, – фыркнул Герман. – Я могу опустить руки? И мы поговорим.

– Ладно, – поколебавшись, согласился незнакомец. – Но лучше бы тебе не дергаться. Эй! Что ты делаешь?!

– Поднимаю арбалет, – невозмутимо произнес Герман. – У тебя за спиной вход в подземку, и я не собираюсь смотреть, как вот эта тварь тебя выпотрошит...

Вопреки всякому разумению представитель клана Бастиона поспешно обернулся, и крысочка, не мешкая, взвился в прыжке. Он что есть сил ударил человека в спину и тут же отскочил в сторону, давая хозяину возможность выстрелить. Потеряв равновесие, незнакомец упал и нажал на спусковой крючок винтовки. В вечерней тишине выстрел показался Герману просто оглушительным. Пуля чиркнула по изрядно изъеденному временем асфальту. Но Герман стрелять не стал. Не такой он кретин, чтобы убивать члена дружественного клана без веской на то причины. Он подошел и наступил на руку, сжимающую оружие. Ботинки у Германа были добротные, довоенные, найденные в одном из схронов, представляющие большую ценность для тех, кто разбирался в хорошей обуви и старинных вещах. Толстые ребристые подошвы украшало что-то вроде небольших шипов. Не очень длинных, но все же весьма полезных, если понадобится карабкаться в гору, ну или потоптаться на ком-нибудь. Незнакомец взвыл, разжал пальцы, и Герман вырвал у него оружие. Кулаки так и чесались вмазать гаду по наглой роже. Надо же, вздумал наставлять на него ствол! С трудом, но все же он сдержался, здраво рассудив, что набить морду новому знакомому всегда успеет.

Несколько неумело – не часто ему приходилось держать в руках настоящее огнестрельное оружие – Герман передернул затвор:

– Хорошая винтовка. Осталась со времен Последней войны? Слышал, что у вас в Бастионе есть много чего интересного. А?

Поверженный противник молчал, он не спешил подниматься с мокрого асфальта. Наверное, опасался, что новый знакомый тут же захочет уронить его обратно. Капюшон съехал с головы парня, и Герман увидел, что незнакомец совсем не стар, а очень даже молод, младше Германа лет на десять, а то и пятнадцать. Совсем зеленый, щенок! Как только таких на улицу выпускают в одиночку?! Вроде бы и не мутант. Глаза у представителя клана Бастиона были серые, как осеннее небо, а нос длинный и кривой, так что Герман тут же прозвал его про себя Носатым.

– Гнев, ко мне! – подозвал крысочка Герман, топнув ногой. Крысочка, недовольно ворча, вернулся на место. – Так это ты был в Центральном вокзале?

– Откуда ты знаешь? – угрюмо спросил незнакомец.

– Видел, – усмехнулся Герман. – Так что тебе надо? Ты следил за мной, не так ли? И вот я здесь. Перед тобой. Жду твоих вопросов.

– Отдай винтовку, – попросил Носатый.

– Я что, похож на идиота? – Губы Германа скривились в усмешке. – На Черного Принца, может быть, но никак не на идиота.

Носатый поджал губы и неожиданно всхлипнул:

– Я заблудился.

– Чего-о-о? – Этому малому удалось удивить Германа.

– Заблудился. Не знаю этого района. Увидел тебя, думал, что ты из наших или из Медоедов. Решил подождать и пойти за тобой. Думал, выведешь.

– Тогда зачем напал? – не поверил Герман.

– Я не нападал. Просто хотел дорогу узнать. – Вид у парня был и в самом деле самый что ни на есть жалкий.

– Ну-ну. Отличный способ узнать дорогу – угрожать винтовкой, – усмехнулся Герман, решив не поддаваться сентиментальным настроениям.

– У тебя эта зверюга, ну и я решил не рисковать...

Похоже, паренек говорил правду, но Герман давно привык не доверять никому. Слишком многие в этой жизни его разочаровывали. Единственная возлюбленная – и та неожиданно и совершенно нелепо сгорела в три дня от желтой лихорадки и ушла навсегда, оставила его...

– По-моему, земли Бастиона в другой стороне, – угрюмо сказал Герман. Воспоминания расстроили его до невозможности.

– Я не вернусь туда, – ответил Носатый.

Изгой? Этого еще только не хватало! На изгоя имеют право охотиться все! Изгой вне закона. Даже Госпитальеры стараются держаться подальше от изгоев, хотя они-то, казалось бы, не отказывали в помощи никому, если, конечно, этот кто-то благодаря собственной глупости не заслужил их гнев.

– Я не изгой! – словно прочитав мысли Германа, неожиданно выкрикнул паренек. – Просто клана Бастиона больше не существует!

– Как?! – Герман так удивился, что разом забыл о том, что незнакомец совсем недавно угрожал ему. – Их что же, всех засыпало обломками рухнувшего здания?

– Эпидемия. Красный тиф. Почти все мертвы.

Герман подавил в себе желание отшатнуться и немедленно выбросить винтовку. Только заразы ему не хватало!

– Я чист, иначе уже был бы покойником. – Носатый поднялся с асфальта. – Красный тиф распространяется быстро. Да чист я, чист! Видишь, на мне нет никаких пятен.

– Темно уже. Я ничего не увижу. – Герман не рискнул приближаться.

– Если бы я был болен, ты бы уже заразился.

Тоже верно. Одного прикосновения к коже или вещам больного было достаточно, чтобы через несколько часов почувствовать недомогание, потом покрыться крупными язвами, а через сутки отдать концы...

– Раскопали? – спросил Герман...

Когда началась Последняя война и с неба стали падать водородные бомбы – это было только самое начало кошмара. Бомб сбросили немного. В ход пошло то, что старики называли бактериологическим оружием и мутагенами. В первые два года после войны большая часть населения планеты погибла совсем даже не от облучения, а от многочисленных болезней. Выжили лишь те счастливчики, у которых были стойкие гены и хорошая приспособляемость организма. Людям было суждено пройти через войну и ужасные Черные столетия. Кто-то провел это время в Убежищах, кто-то под открытым небом. Эпидемии схлынули, но до сих пор то здесь, то там появлялась зараза из далекого прошлого. Обычно после того, как какие-нибудь умники из жажды наживы и нездорового любопытства начинали копаться в древних могильниках или заброшенных домах. Обязательно кто-нибудь из них находил не сокровища и довоенные вещи, а дремлющую до поры до времени заразу...

– Нет, не раскопали... ее кто-то подбросил, – с тоской в голосе сказал Носатый.

– М-да? Интересно, и кто же такой дурак?

Герман не поверил словам незнакомца. Кидать заразу соседям было не принято хотя бы по той причине, что по всем законам всемирного свинства от соседей зараза приползает прямо к вашему дому, поскребется в дверь, скрючится у порога и, опершись на длинный костыль, ждет, когда вы ее впустите. Ямы друг другу кланы старались не рыть. Во всяком случае, таким способом войны не велись... Слишком уж все это напоминало самоубийство.

– Меганики могли подбросить, – предположил Носатый, – у них – вакцины, и они не очень-то довольны тем, что мы ладим с мутантами.

Это верно. Меганики не терпели мутантов и тех, кто был с ними на короткой ноге. В последнее время самый влиятельный из кланов Города все больше лез в дела других кланов и говорил, кому и что следует делать. И даже многие из Ветродувов смотрели в рот Меганикам, жадно внимая странному религиозному учению. Благо им было за что стараться. Меганики сохранили довоенные технологии: подачки с их стола были очень ценны.

Внезапно запел ревун, и крысочот предупреждающе хрюкнул. Герман выругался и бросил винтовку под ноги Бастионовцу:

– Мусорщики нас услышали. Все из-за тебя, идиота!

– Что ты делаешь?

– Разве не видно? – Герман подхватил с земли мешок. – Сматываюсь. Попробую прорваться через мост.

– А мне что делать? – растерянно спросил Бастионовец.

– Почему я знаю? – Герман пожал плечами. – Выпутывайся сам, раз ты такой кретин.

Сказал и, не оглядываясь, поспешил вдоль улицы к мосту.

– Постой! Постой! – закричал Носатый. – Да постой же ты! – Он побежал за Германом.

Но тот и не думал останавливаться, он бодро шагал, не забывая оглядываться по сторонам, а крысочот трусил по правую руку. Парень не отставал, он запыхался, не поспевая за широким шагом Германа, и даже попытался остановить его, схватив за плечо. Потом забежал вперед и крикнул:

– Стой, я тебе говорю!

Герман заметил, что винтовка снова в руках Носатого. Причем держит он ее наперевес, направив ствол не куда-нибудь, а в грудь Герману. Тут уже не сдюжили нервы у Гнева, он рванулся вперед, клацнули острые зубы, затрещала раздираемая ткань, и Носатый отчаянно закричал:

– А-а-а! Убери его! Убери!

Крысочек терзал широкую штанину с явным удовольствием. Понаблюдав несколько секунд за этой дивной картиной, Герман отозвал зверя и внезапно решился:

– Ладно, так и быть, пойдешь со мной. Только я иду быстро, чур не отставать.

– Я не отстану! – радостно выкрикнул Носатый.

– Имя у тебя есть? Или папа с мамой решили, что и без имени ты неплох?

– Франц, – ответил парень. – Я не подведу, вот увидишь!

– Увижу, – откликнулся Герман и тут же добавил самым мрачным тоном: – если, конечно, переживу эту ночь!

Почувствовав неладное, Франц поспешно обернулся через плечо и шумно втянул в себя воздух. Путь им преграждала шестеро. Трое стояли впереди. Неуклюжие фигуры, заплывшие наростами головы. Мутанты. Безоружные. Трое других явно были людьми и в отличие от своих братьев по клану сжимала в руках копыя. К счастью, ни у одного не было ни арбалета, ни лука, ни даже метательного ножа. Мусорщики выбрались из своих нор.

Случайный спутник Германа собирался вскинуть винтовку, но, на его счастье, следопыт Ветродувов обладал отличной реакцией и успел положить на ствол ладонь.

– Погоди-ка, – сказал он, – давай сначала познакомимся с нашими новыми друзьями.

Он сделал едва уловимый жест рукой, и верный Гнев лег на мокрый асфальт, затаившись до поры до времени.

– Привет! – громко сказал Герман.

Из темного провала ближайшего здания вышли еще двое. В руках у Мусорщиков были трубки, стрелявшие – Герман отлично это знал – отравленными паралитическим ядом стрелами, и разделочные ножи. Среди Ветродувов ходили упорные слухи, что Мусорщики иногда поедают своих врагов. Традиция со времен Черных столетий.

На приветствия Германа ребята никак не отреагировали. Мусорщики славились своей нелюбовью к вежливым беседам: любой разговор с ними превращался в монолог, даже мирные переговоры...

– Медленно отступай назад, – сказал Герман, обернулся и понял, что его реплика несколько запоздала – позади, отрезая путь к отступлению, стояли еще пятеро.

– Ну все, нам конец, – забормотал Франц.

– Спокойнее, – сказал Герман, думая о том, что денек выдался неважный, в арбалете совсем мало пороховых зарядов, а умирать почему-то именно сегодня совсем не хочется.

– Бастионовец и Ветродув, – неожиданно заговорил один из Мусорщиков. – Давно не видел такой сладкой парочки. Вы что это, любите друг дружку, да?

– Чего вам надо? – угрюмо спросил Герман.

– А чего ВАМ надо на нашей территории?! – усмехнулся Мусорщик. – Если дома не сидится, то так и быть, мы вам поможем и укоротим ноги, чтобы не устраивали свидания на нашей земле. Взять их, ребята!

Враги двинулись на них. Герман резко вскинул арбалет, намереваясь уже спустить курок, как вдруг... Разъяренный самец жабобыка вылетел из сгустившейся возле высоких зданий мглы и шлепнулся на асфальт в нескольких метрах от них. Все произошло настолько неожиданно, что Герману показалось, будто чудовище упало с неба. Распахнув огромную пасть, жабобык раздулся и заклокотал. В отличие от своей маленькой подружки, совсем недавно отправленной Германом на тот свет, этот экземпляр ожирел до тонны, а то и больше. Во всяком случае, при должном умении и желании такая тварь вполне могла проглотить легкий автомобиль Багажников вместе с пассажирами. Похоже, жабобык уже обнаружил гибель своей второй половины и теперь, застав неподалеку от места преступления целую толпу народа, собирался выместить на ней ярость.

– Ситуация осложняется, – заметил Герман, как показалось Францу, почти веселым голосом. Охотник всегда вел себя в минуту опасности именно так, умело скрывая страх. – Сейчас

такое на нас на всех радостное настроение снизойдет, что мы даже в желудке себя хорошо почувствуем.

Мусорщики отступили. Жабобык топтался на месте, клокотал и булькал, не зная, с кого начать. И тут один из шестерки Мусорщиков, преграждавших путь к мосту, совершил роковую ошибку. Он швырнул в жабобыка копье. Кидаться в жабобыка копьями было так же неразумно, как обсуждать с Меганиками красоту мутантов – разозлишь их до потери сознания. Тварь обиженно взревела, вспомнила далеких квакающих предков и, взвившись в воздух, всем своим немалым весом рухнула на обидчика, заодно придавив еще троих. Массивный хлыст длинного и тяжелого языка разметал ближайших Мусорщиков по проулку. Воцарилось форменное столпотворение, словно в клан приехали Багажники и, не обнаружив положенную Дань, решили устроить маленькую кровавую разборку. Жабобык клокотал, шелкал языком, Мусорщики орали, стреляли из трубок (паралитические стрелы застревали в толстой шкуре чудовища), швырялись в него всем, что попадалось под руку в ход шли копья, камни, валявшиеся под ногами железки, стекла и ножи.

“Пока ребята резвятся, самое время сделать ноги”, – здраво рассудил Герман.

– Бегом! – рявкнул он, толкнул Франца и помчался вдоль улицы туда, где, охая, приподнимались с земли два чудом уцелевших врага.

Носком сапога он изо всех сил ударил одного из них в лицо, так что тот рухнул навзничь. Другой бросился в ноги Францу, и тот упал, винтовка отлетела в сторону. Чертыхнувшись про себя, Герман вернулся, прыгнул уроду на спину и от души врезал ему прикладом арбалета по затылку.

Затем Герман рванул Франца на себя. Парень отчего-то не желал подниматься, только всхлипывал от страха. Герман дернул его сильнее, но тот безвольно повис у него на руках.

– Да что с тобой?! – заорал Герман и только тут заметил, что в голени у представителя клана Бастиона торчит паралитическая стрела.

– Успел-таки воткнуть! – Герман с ненавистью пнул потерявшего сознание врага под ребра. Затем щелкнул пальцами, призывая Гнева, и взвалил Франца на плечи.

Напоследок он оглянулся и увидел, что разъяренный уколами десятков копий и отравленных дротиков жабобык расшвыривает Мусорщиков таранными прыжками, его длинный язык взвивается вверх, опускается вниз и хлещет из стороны в сторону, устраивая в рядах обороняющихся целые просеки. И все же долго зверю не продержаться... Очень скоро паралитический яд сделает свое дело – и монстр завалится на бок, Мусорщики пустят в дело ножи, добывая чудовище, а потом устремятся в погоню за Германом и его тяжелой ношей.

Мешок, арбалет, парень из клана Бастиона – со всем этим добром он пробежал добрую сотню шагов, потом понял, что окончательно выбился из сил, свернул в развалины ближайшего здания и кинулся вниз по лестнице, ведущей в темноту. Оказавшись в крошечном мраке, он осторожно положил парализованного и мешок на ступени и сделал знак Гневу обследовать помещение. Крысочот устремился вниз, появился через минуту и прижался мокрым носом к ладони Германа – все в порядке, подвал свободен. Герман снова взвалил на плечи тяжелую ношу, Франц застонал, и пришлось встряхнуть его, чтобы он заткнулся. Они спустились в глубокий подвал, здесь Герман опустил парализованного на заваленный какой-то рухлядью пол, мешок положил поодаль, сам уселся рядом и замер, прислушиваясь к звукам, доносящимся снаружи.

Сидеть в темноте для Германа было делом привычным. Он не сомневался, что вскоре их найдут, а потому приготовил к стрельбе арбалет, достал нож, ткнул его в какую-то доску, торчавшую из пола, потом слегка прикоснулся к шее Гнева – пусть знает: надо быть настороже.

Франц опять издал слабый стон, и Герман приложил палец к его губам, подумал, оторвал от изорванных крысочотом штанов длинный тряпичный лоскут и запихал пареньку в рот.

– Так нам всем лучше будет, – пояснил он.

Когда паралич начнет отступать, ощущения у бедняги будут не из приятных. Он почувствует себя так, словно кто-то решил разом выкрутить все нервные окончания в его теле. Наверняка Францу захочется вдоволь поорать, а кляп не даст ему развернуться на полную мощность и выдать их укрытие врагам. Оставалось ждать и молиться, чтобы Мусорщики их не нашли...

Время шло, сумерки загустели, обратившись тьмой летней ночи. Герману поначалу казалось, что зрение его должно адаптироваться к темноте, как это обычно бывало, но в подвале царил такой крошечный мрак, что различить даже очертания отдельных предметов не представлялось возможным.

Герман отлично знал, что произойдет дальше.

Во-первых, после того как Мусорщики немного отойдут от битвы с жабобыком, они будут злы. Жутко злы. Злее, чем жевала в период весенней течи. Сегодняшним вечером клан Мусорщиков потерял с десятков своих братьев, наверняка винят Германа, и, значит, помоишники в покое его не оставят, лучшие охотники клана бросятся за ним в погоню. Если даже ему удастся избежать смерти и благополучно убраться восвояси, в этот район Города месяца три не сунешься. Все будут стоять на ушах, ожидая его нового появления. А между тем семена и корнеплоды можно раздобыть только здесь...

Во-вторых, когда погоня ничего не даст, Мусорщики начнут осмотр близлежащих домов, на тот случай если беглецы собираются переждать охоту в тишине и покое. Они будут прочесывать дом за домом, пока не наткнутся на них.

Вот это самое “во-вторых” Герману очень не нравилось. Ведь рано или поздно их обнаружат. Вся надежда была на то, что Мусорщики не рискнут лезть в темные подвалы ночью. Франц тихо застонал. Герман сначала решил, что парень-охотник, раз сумел так далеко забраться от дома. Потом подумал, что на охотника Франц совсем не похож. Вряд ли во время опасности охотник будет ныть и вести себя НАСТОЛЬКО неуклюже. Скорее, он походил на неопытного, впервые выбравшегося за территорию родного клана ребенка. Что же, может, так оно и было, и когда бастионовцев начала косить зараза, Франц недолго думая прихватил винтовку и был таков. Молодец, нечего сказать...

Брошенное впопыхах стрелковое оружие было жалко, словно оно являлось собственностью Германа. Теперь винтовка наверняка в лапах врагов. Кстати, что-то их все еще не видно, хотя пора бы им объявиться. Мусорщики уже должны были догадаться, что Герман не бежит с тяжелой ношей на плечах по пустому Городу, а где-то прячется. Следовало бы проверить, как там обстоят дела. Кажется, вновь придется воспользоваться запретным, и это второй раз за день! Завтра придется расплачиваться за такое излишество сильной головной болью...

Герман замер. На третьей из прокачанных частот он обнаружил множественные, хотя и отдаленные, шумы бьющихся в ускоренном ритме сердец. Не спят гады! И ведь охота же им носиться ночью, да еще под дождем! Ладно, пока об этих парнях беспокоиться рано – они еще слишком далеко и не собираются лезть в здание, где он спрятался. Герман уже собирался было отбросить запретное, напоследок перешел на ближайшую частоту и едва не оглох. Да это же совсем близко! Они почти добрались до них. Сердце первого Мусорщика грохотало часто и испуганно, от сердца второго по частоте расплзлось какое-то эхо. Словно у этого второго было не одно сердце, а целых два. Мутант...

Гнев зарычал в темноте. Значит, тоже почувствовал приближение незваных гостей. Герман едва слышно постучал пальцем о подошву ботинка, приказывая крысоте молчать, потянулся за арбалетом, медленно и по возможности тихо извлек из оружия обойму, в которой помещалось три болта с пороховыми наконечниками, и заменил ее на другую – ту, где были обычные стальные болты. Если его обнаружат, то лучше действовать бесшумно, главное – не промазать. В такой темноте он не мог поручиться, что сможет попасть в цель. Обойма с сухим щелчком вошла в арбалет. Осталось только взвести тетиву. Сделано.

Запретное Герман так и не отогнал. Слушал. Двое шастали где-то по первому этажу, никак не решаясь спуститься в подвал.

“Правильно, – подумал охотник, – не ходите сюда. Здесь темно. Страшно. Опасно. Здесь сидит злобный тип, вооруженный арбалетом”.

Герман слышал рассказы о некоторых Универсалах, которые обладали свойством мысленно уговаривать человека сделать то, что он даже и не думал делать. Иногда приходится жалеть, что ты не такой Универсал. Вот бы заставить их пристрелить друг дружку. Вот смеху-то было бы! Двое Мусорщиков потоптались у входа в подвал и, так и не решившись его проверить, ушли.

Вздыхнув с облегчением, Герман отложил арбалет и вытер выступивший на лбу пот. Пронесло. Оттолкнул запретное и поморщился. Слишком долго находился на частоте, затылок ныл от боли.

Франц неожиданно замычал и выгнулся дугой. Герман совсем забыл о мальчишке и, выругавшись, бросился к нему, что есть сил навалился на плечи, прижал к полу. Яд прекращал свое действие. Конвульсии спали, Герман заученным движением выдернул кляп изо рта Франца и перевернул паренька животом вниз. Франц лежал минуту, всхлипывая и содрогаясь всем телом, затем встал на четвереньки, в темноте раздались характерные звуки – его выворачивало наизнанку.

В то же мгновение наверху послышался топот. Мусорщики их услышали. Рано он избавил случайного спутника от кляпа. Герман выругался и взял арбалет наизготовку.

– Что это? Что со мной? – сквозь кашель спросил Франц.

– Блуждаешь, – бесстрастно ответил ему Герман. – Последствия наркотика, который тебе вкололи в ногу. Уже лучше?

– Вроде да, – неуверенно ответил представитель клана Бастиона. – Где мы?

– А ты что, ни черта не видишь? – Герман все еще злился на Франца. Светла же судьба с такой зеленью!

– Тут темно, – откликнулся тот.

– В подвале. Когда ты заорал, нас слышали Мусорщики. Правда, их всего двое. Если они законченные кретины – полезут сюда вдвоем. Если у них сохранились остатки интеллекта – отправятся за подмогой. – Герман вырвал из доски нож.

– Откуда ты знаешь? – выдавил Франц.

Это было последнее, что он успел сказать. В подвал швырнули световую гранату, Герман услышал, как она летит по воздуху с характерным шипением, и инстинктивно закрыл глаза. Послышался хлопок – яркий свет резанул сквозь плотно сжатые веки. Полупарализованному мальчишке на полу повезло куда меньше. Он заорал в голос и покатился по полу, по осколкам стекла и обломкам железной арматуры, забившись куда-то в самый угол. Герман открыл глаза, различая окружающее в зеленоватом свете все еще тлевшей гранаты, и упал на пол. В подвал ворвались двое. Действовали они стремительно, и все же недостаточно быстро, чтобы обогнать арбалетный заряд. Герман нажал на спусковой крючок, и свистнувший в воздухе болт угодил точно в середину лба первому Мусорщику. Второй, неестественно широкий (должно быть, он и был мутантом) прыгнул на Германа, сокращая расстояние между собой и стрелком, замахнулся ножом. От Гнева сейчас не было никакого толка, он, как и Франц, попал под действие световой гранаты и теперь ни на что не обращал внимания, лишь тихонько скулил. Герман успел отпрыгнуть, но нож зацепил руку, разорвал рукав куртки и обжег кожу. Не будь куртка сделана из толстой кожи жабы, следопыт обыч – ной царапиной не отделался бы. Световая граната погасла, наступил крошечный мрак. Герман отпрыгнул, разрывая дистанцию, и практически наугад, уже в полной темноте, выстрелил. Болт с пронзительным визгом ударился о дальнюю стену подвала. Как видно, он прошел несколько выше, чем требовалось. Герман подкорректировал арбалет, замер, прислушиваясь, дыхание вырывалось из лег-

ких мутанта с противным шипением, как воздух из дырявой шины. Герман спустил курок, отправляя в полет последний арбалетный болт. В темноте раздался глухой удар, вскрик, и грузное тело повалилось на пол. Попал!

Осторожно следопыт положил разряженный арбалет на пол, взялся за нож и прислушался к звукам в подвале. Тихо стонал Франц, повизгивал приходящий в себя крысочот. Врага слышно не было. Или мертв, или затаился, скрывает шумное дыхание. Герман перескочил на запретное. Вот бьющиеся живые шумы – Франц. Эха от тяжелого биения пары сердец мутанта он не услышал.

“Значит, все же попал куда надо”, – подумал Герман.

– Вот видишь, парень, они оказались кретинами, – заметил он, – а я был о них лучшего мнения. Вечно я переоцениваю людей.

Пальцы рук дрожали. Адреналин медленно покидал кровь.

“Впрочем, – задумался Герман, – смелость их, скорее всего, была вызвана тем, что у них имелась световая граната. Вот только как она могла попасть в лапы Мусорщиков? Они, наверное, даже не представляли, как она действует. Думали, что после яркой вспышки найдут в подвале одних мертвецов. На деле все вышло совсем иначе”.

Франц тихонько поскуливал в углу, словно побитая собака.

– Эй, с тобой все в порядке? – поинтересовался Герман. – Не волнуйся за глаза, к утру зрение восстановится. Здесь все равно крошечная темнота. Смотреть не на что.

– Эт-то больно, – прошептал Франц.

– Конечно, – безжалостно усмехнулся Герман. – Но не так больно, как если бы эти ребята разделили тебя ножами. И съели. Живьем.

Франц промолчал.

Герман решил осмотреться. В свете гранаты, как ему показалось, он разглядел нечто очень интересное. Раз уж им предстоит провести в этом месте ночь, следовало узнать, кем был прежний жилец и был ли он вообще. В подвале отчетливо пахло экскрементами – возможно, он служил логовом крупному хищнику. Герману очень не хотелось с ним встречаться. Пришлось на ощупь копать в мешке. Спустя минуту он уже сжимал в кулаке бензиновую зажигалку – горючего оставалось совсем мало, и следопыт старался использовать ее только в крайних случаях. Сейчас, кажется, был как раз этот самый “крайний случай”. Огонь занялся с первого раза, несмотря на сточенный почти до основания кремль. Тени заплясали на серых мокрых стенах подвала.

Первым делом Герман проверил тело Мусорщика-мутанта. Болт угодил ему точно в середину груди. В углу, на самой границе круга света, Герман разглядел кучу какой-то рухляди. Прежде чем приблизиться к ней, он тщательно осмотрел пол. Помет принадлежал мелким животным, правда, его было довольно много, но зверьки явно не представляли серьезной опасности. Предварительный осмотр подвала внушал надежды на то, что ночь пройдет без сюрпризов. Герман направился в угол, отбросил ногой какую-то доску, потрогал черный продолговатый ящичек, отложил его до времени в сторону, потом распахнул дверцу приземистого железного шкафа – с сухим хрустом петли разломились, и дверца осталась у него в руках. Внутри было пусто. В общем, один старый, истлевший хлам, ничего примечательного. Герман разочарованно пожал плечами, пошевелил ногой ящичек, покрутил его в руках, но тот никак не желал открываться. Тогда Герман осторожно положил его на пол – решил разобраться с ним потом, подошел к Францу и присел рядом. Зажигалку он погасил.

В темноте послышались осторожные шаги Гнева. Как видно, крысочоту также не терпелось обследовать подвал. Ориентировался он в основном по запаху. Поначалу внимательному изучению подверглись тела Мусорщиков. Затем Герман услышал, как Гнев копается где-то в углу с мусором. Кажется, крысочот заинтересовался странным ящичком и теперь скребет его лапой.

– Гнев, тупая скотина, – позвал Герман, – иди сюда!..

В подвале неожиданно посветлело, как будто на смену сумеркам вдруг пришел день. Сначала в темноте проступили очертания стен, потом грузные тела убитых Мусорщиков, глаза Гнева блеснули, а затем и весь подвал осветился, тени поплыли по стенам. Откуда-то возникла белая фигура, бледная как смерть, она вдруг выплыла из стены и как ни в чем не бывало направилась через подвал. Увидев светящиеся во тьме очертания, Герман едва с ума не сошел от страха, он вскочил на ноги и сжал рукоять ножа. Чем бы ни была эта штука, но на обычного призрака совсем не походила. Франц почувствовал, что происходит нечто нехорошее, и закрутил головой, слепо тараща глаза. Только крысочот был совершенно спокоен – то ли он не видел фантома, то ли это просто не вызывало у него никаких отрицательных эмоций и страха.

– Что происходит, а? – жалобно спросил Франц. – Это Мусорщики?

– Спокойнее, – сдерживая сердцебиение, сказал Герман, – все в порядке, все в порядке...

В то же мгновение призрак заговорил, причем так громко, что Германа пробрал озноб, он с трудом сдержался, чтобы не закричать.

– Дорогая, – проговорил замогильный голос, – если ты отправляешься сегодня на Преппенштрассе, не забудь купить на ужин кальмаров. Договорились? Я очень люблю тебя, милая... Хотя и кальмаров тоже...

Фигура исчезла, а потом снова двинулась в путь от дальней стены, опять раздался леденящий душу голос:

– Дорогая, если ты отправляешься сегодня на Преппенштрассе, не забудь купить на ужин кальмаров...

Герман в недоумении смотрел на белесую фигуру, которая раз за разом повторяла свой маршрут и произносила странные слова, и вдруг рассмеялся. Таинственный призрак был всего лишь голографическим письмом, записанным в далеком прошлом! Когда-то он слышал о подобных штуках, да и Старый Кра много об этом рассказывал...

– Дорогая, если ты отправляешься сегодня на Преппенштрассе...

– Кто? Кто это? Кто здесь? – крикнул Франц.

– Можешь не бояться, – успокоил его Герман, – это мой старый приятель, он позаботится о том, чтобы ночью мы не скучали, правда, он умеет говорить всего одну фразу, но и та звучит очень забавно. Ты не находишь?

– Это что, голографическое письмо? – выдавил Франц.

– Точно. – Герман усмехнулся. – Слышал, у вас в Бастионе были такие штуки?

– У нас в Бастионе?! А, да! Были, конечно были! – кивнул Франц. – Что мы будем делать дальше?

– Ждать, – пожал плечами следопыт.

– Чего ждать? – переспросил Франц. Герман вздохнул и принялся перечислять:

– Ждать, когда наступит утро. Этот район ночью небезопасен. Ждать, когда успокоятся Мусорщики. Рано или поздно им надоест нас искать. Ждать, когда у тебя восстановится зрение. Ты хоть что-нибудь видишь?

– Зеленые пятна перед глазами.

– Уже хорошо, – одобительно кивнул Герман. – Значит, зрение восстанавливается.

– Знаю, – буркнул Франц. – А что будет утром?

– Утром попробуем перебраться через мост на ту сторону реки. Там мой клан. Там помогут. А сейчас давай спать, сегодня был тяжелый день. Гнев посторожит...

Герман улегся на пол, положив руки под голову, и неожиданно для себя очень быстро заснул. Его не тревожило даже то, что где-то в округе, возможно, рыскали Мусорщики и до самого утра звучал голос давно умершего человека:

– Дорогая, если ты отправляешься сегодня на Преппенштрассе, не забудь купить на ужин кальмаров. Договорились? Я очень люблю тебя, милая... Хотя и кальмаров тоже...

Глава вторая

*ПУСТЬ СУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ ЛЮДЬМИ,
ГОВОРЯТ:*

И были они белы, а руки их праведны.

*И носили они красные кресты, принося теньям облегчение от огня,
мора и страха. И вносили они в души их уверенность в завтрашнем дне
и смелость. И ничего не брали они взамен.*

Имя их – Госпитальеры – дети Господни.

*ВНЕМЛИТЕ ГЛАСУ ЧИСТОГО РАЗУМА: И были их одежды белы,
а помыслы черны и неясны. И носили они красные кресты, насмехаясь
над истинной верой, не делая разницы между истинными детьми Его
и теньями. Не признавая и не отрицая Его, ушли они от Истинной веры –
и тени им стали ближе, чем дети Его. И вносили они в тени зерно
злости и непокорства. И брали они взамен души и пожирали их, ожидая,
когда в мир вернется единственный их господин – Антихрист. Имя им –
Госпитальеры, дети тьмы и вселенского хаоса.*

*Последний Завет. Книга Нового мира. Послание заново рожденным.
Ст. 16*

К утру изображение призрака из далекого прошлого померкло, голос его дребезжал, как старая колымага Багажников на ухабах выщербленного асфальта. Временами он исчезал совсем, но потом снова появлялся и заводил старую песню.

– ...не забудь купить на ужин кальмаров. Договорились? Я очень люблю тебя, милая... Хотя и кальмаров тоже... – Первое, что услышал Герман, открыв глаза.

Крысочка ткнулся ему в щеку мокрым носом.

– И тебя с добрым утром, тупая скотина! – привычно пробормотал Герман и сел.

Белесая фигура отделилась от стены и уже примелькавшимся быстрым шагом направилась в центр подвала.

– Как же ты достал меня со своими кальмарами! – Герман выругался, голова болела так, будто вчера по ней стучали железным молотом. – Если бы я был твоей женой, подсыпал бы тебе яду!

Уже было утро, и через маленькое окошко в подвал проникали солнечные лучи. Судя по всему, рассвело совсем недавно. Герман встал и поморщился. За вчерашний день он трижды обращался к запретному, и теперь боль в затылке и щемящая тяжесть в висках будут донимать его очень долго. К полудню неприятные ощущения немного утихнут, но вот прослушать частоты Герман теперь сможет нескоро. Перешагнув через тело Мусорщика, он подошел к Францу и потряс паренька за плечо. Франц испуганно вскинулся, но, увидев Германа и осознав, что ему ничто не угрожает, тут же успокоился.

– Сколько видишь пальцев? – спросил Герман, сунув мальчишке под нос знак победы – “виктори”, – одновременно он являлся знаком клана Ветродувов.

– Два, – ответил Франц.

– Значит, очухался, – удовлетворенно буркнул Герман. – Вставай, пора в путь. Лучше бы добраться до моста, пока туман не рассеялся. Есть хочешь?

– Немного.

Герман не без сожаления разломил последнюю плитку пищевого пайка.

– Понесешь мой мешок. Не все же тебе за мной без дела таскаться.

Пока Франц грыз свою порцию и безропотно закреплял тяжеленный мешок у себя на плечах, Герман занялся изучением карманов убитых Мусорщиков. Тот, кому он угодил бол-

том в грудь, оказался совершенно чист. У него не было даже самой завалящей пуговицы. Нож врага, каким-то чудом пропоротивший куртку Германа и поцарапавший ему руку, при должном осмотре оказался никуда не годным. Не без труда следопыт вырезал из тела Мусорщика болт. Франц уставился на него во все глаза, а потом резко отвернулся, что еще раз подтвердило догадку следопыта о том, что это первая вылазка мальчишки за пределы родного клана, иначе такие вещи вряд ли вызывали бы у него такую реакцию.

– Мясо будешь? – спросил он. Парнишка вскрикнул от ужаса.

– Не бойся, – усмехнулся Герман, – это я пошутил, поеданием мертвецов не увлекаюсь.

Он перешел ко второму трупу. Здесь было чем поживиться. Герман обнаружил несказанную ценность – у покойника имелась еще одна световая граната! А в нагрудном кармане нашлись солнечные очки с темно-синими стеклами. Довоенные! И почти новые! На одной из дужек все еще красовались остатки непонятной надписи “Pola... id”. Герман хмыкнул и убрал очки в карман куртки. Для него они ценности не представляли: что за глупость – смотреть на мир через темные стекла?! Так и какую-нибудь серьезную опасность можно не разглядеть. Но Герман знал пару ребят, готовых вот за такую довоенную безделушку отдать все что угодно. Например, немного бензина для его старенькой зажигалки или отличный набор хирургических игл и шовный материал. Свой комплект игл, не раз штопавших его раны, он выменял на серебряный портсигар с рубиновой защелкой. Для него портсигар не представлял абсолютно никакой ценности, а один придурок из клана Бастиона, когда увидел старую безделушку у него в руках, буквально лишился рассудка. Надо быть полным идиотом, чтобы поменять редкий медицинский набор, который встречается не у каждого Госпитальера, на абсолютно ненужную, пусть и красивую, безделушку. При воспоминании о глупости Бастионовца губы следопыта растянулись в улыбке...

Из трех арбалетных болтов целыми остались только два. Тот, что ударился о стену, теперь никуда не годился. Герман вновь вставил болты в продолговатый “пенал” обоймы и зарядил арбалет. Пора в дорогу.

– Франц, подними нож. Ты готов?

Паренек поспешно кивнул. После вчерашнего происшествия вид у него был бледный. Герман послал крысокота вперед и двинулся к выходу из подвала. Прежде чем выйти из здания, он выглянул на улицу. Дождь за ночь прекратился, и теперь в ямах искореженного асфальта масляно блестела вода. Свежо. Туман уходил, видимость наконец стала вполне приличной. Во всяком случае, отсюда была отчетливо различима завалившаяся на бок туша жабобыка, а вокруг – тела погибших в схватке Мусорщиков. Живых вроде бы нет. Герман потянулся было к запретному, но тут же себя одернул. Не следует заигрываться – от головной боли можно и сознание потерять. Такое уже случалось с ним несколько раз, и Герман очень не хотел снова падать в обморок. Ничего запретного до полудня! Придется полагаться исключительно на острое чутье крысокота. Зверь вел себя спокойно, словно опасности не было, но Герман все еще не решался выйти из укрытия. Он внимательно изучал улицу, вглядываясь во тьму окон близлежащих зданий, лег на землю, приложив к ней ухо, но ничего не услышал. Как видно, Мусорщики решили оставить их в покое, а может, врагов что-то вспугнуло. Неужели речи призрака из голографического письма о кальмарах? Только темные боги знают, что может напугать этих ненормальных Мусорщиков.

Франц нетерпеливо топтался на месте, украдкой поправляя мешок. Герман наконец решился:

– Идешь за мной. Быстро. Верти башкой. Но под ноги не лезь. Усек?

– Да, – кивнул Франц.

– Двинули!

Крысокот бежал метрах в двадцати впереди – разведывал местность. Герман держал арбалет наготове, но желающих напасть пока, к счастью, не наблюдалось. Охотник хорошо знал,

что доверять мнимому затишью не стоит. Иногда оно означало, что крупный хищник притаился неподалеку, выпустил когти и ожидает, когда ты подойдешь поближе. В другом случае тишина предвещала приближение Бури или иного бурного проявления дурного нрава природы. А еще Герман был уверен в том, что такая же тишина окружает следопыта, когда он уже умер: все живые существа в этом мире перестают существовать, а он все блуждает и блуждает по пустынному Городу, пока не поймет, что его больше нет. Помнится, идея эта принадлежала Альбе и почему-то напугала его тогда до чертиков. Вот ведь странно: теперь, после смерти Альбы, при воспоминании об этом он чувствует себя совершенно спокойно. Может быть, он и сам перестал бояться смерти, может быть, иногда ему даже хочется, чтобы она пришла, и, может быть, тогда, где-то там, в другой реальности, он встретится с Альбой. Тишина вдруг стала тяготить его.

– Не нравится мне все это, – проговорил Герман, – странно...

– Что странно? – откликнулся Франц.

– Мусорщики – народ упрямый, они так просто дичь не оставят. А о нас словно бы забыли...

– Разве это плохо?

– Не знаю, не знаю. – Герман резко обернулся, ему показалось, что в развалинах мелькнула тень и послышался какой-то шорох.

Он замер... Жестяной лист почти оторванной кровли на соседнем здании шевельнулся, задрожал под ветром, издавая отчетливое шуршание, и Герман шумно выдохнул.

– Ложная тревога, – сказал он, – двинулись дальше...

На Мусорщиков путники наткнулись, когда почти добрались до железнодорожного полотна. Четыре тела лежали прямо посреди улицы в самых нелепых позах. Поначалу Герман подумал, что они – покойники, но стоило подойти к ним поближе, и охотник понял, что все четверо живы. Из-под век на небо смотрели мутные, пустые глаза, будто хозяин тела пошел прогуляться, оставив оболочку лежать на асфальте, на радость местным хищникам. Герман поежился. Вспышка новой заразы? Не решаясь приблизиться, он долго и внимательно изучал лежащих на земле людей. Первым не выдержал Франц:

– Что с ними?!

– Сколько же ты интересных вопросов задаешь! Не знаю я, что с ними! Вроде живы, а вроде и нет. Как будто их парализовало. Видишь, живые...

Герман пересилил себя, подошел к ближайшему телу и осторожно пошевелил Мусорщика ногой. Никакого эффекта. Казалось, Мусорщик спит с открытыми глазами. Парень бессмысленно смотрел в небо, никак не реагируя на присутствие чужаков. Осмелев, Герман пнул его в бок. Без толку.

– Что ты делаешь? – спросил он, заметив, что его спутник времени не теряет.

Франц стоял на коленях над одним из Мусорщиков и задумчиво держал его за руку.

– А? Щупаю пульс.

– Ты что, в этом что-то понимаешь?

– Немного...

Герман покосился на Франца с уважением: если паренек понимает что-то в болезнях и даже умеет их лечить, то клан Ветродувов с распростертыми объятиями примет в свои ряды такого полезного человека.

– Пульс у него редкий, – сказал Франц. – Причем очень. Ударов двадцать в минуту, не больше. Я такого раньше... – он запнулся – Я такого раньше не видел. Если это и яд, то очень странный. Смотри.

Франц без труда согнул и разогнул руку Мусорщика.

– Это не тот токсин, что вчера вкололи мне. Даже не могу предположить, что это такое.

– Плевать мне, что это такое. Вон железная дорога уже видна. Оставь их. Все равно мы не будем им помогать.

– Так нельзя. – Франц отрицательно покачал головой. – Разве мы можем оставить их тут без помощи, вдруг какой-нибудь хищник...

В это мгновение Герман у дальней стены в ста метрах от них заметил нечто очень и очень любопытное.

– Гнев, – позвал он и дважды щелкнул пальцами.

Крысочек стремительно кинулся вперед, следом за ним двинулся Герман, оставив Франца возле Мусорщиков. Пусть себе рассуждает о помощи безвинно пострадавшим отморожкам. Его подобными речами не растрогаешь. Мусорщики – враги. Пусть о них позаботятся люди из их же клана. Хотя он сильно сомневался в том, чтобы Мусорщики стали помогать друг другу. Не такой был характер. Каждый сам за себя. Мерзкие ублюдки...

А парень, судя по всему, неплохо разбирается в медицине. Герман оглянулся и увидел, что его спутник приподнимает веко одного из парализованных, трогает его горло и явно смекает про себя что-то, задумчиво наморщив лоб.

Герман приблизился и остановился, пораженный увиденным: возле стены, наполовину вывалившись из окна здания, без движения лежал кольчатый зубастый зверь – медведкочервь. Он дышал – ноздри его редко, но широко раздувались, а из пасти тонкой струйкой вытекала желтая слюна, семь десятков длинных розовых ножек подрагивали. Неподалеку от хищника, поджав под себя лапы, беспомощно растянулся крупный грызун – сумчатый крот. За ним, в нескольких метрах дальше, свернулась, поджав розовые лапки, парочка малышей-ревунов... Такого Герману видеть еще не приходилось. Чтобы разом все живое в округе впало в глубокий транс.

Холодный страх сжал его сердце. Вернулись мысли о новой заразе... Пока в клане Ветродузов о такой не слышали, но все болезни на свете когда-нибудь появлялись впервые (особенно после того, как во время Последней войны противники в буквальном смысле завалили друг друга не только атомом, но и бактериями). А глупый мальчишка сейчас щупает пульс у будущих мертвецов, трогает веки. Да на их телах, возможно, находятся миллионы заразных микроорганизмов!

Германа посетила предательская мысль бросить Франца и немедленно пуститься наутек. Посетила и отступила. Герман и сам касался ботинками безвольных тел Мусорщиков. Потом вспомнил, что мешок с корнеплодами и семенами находится у мальчишки и что ценный груз теперь, возможно, тоже заражен... Гнев вдруг метнулся вдоль улицы, заволновался, издал предупреждающий кашель. Герман вскинул голову – вдалеке слышался отчетливый гул. Любой клановец знает: гул может означать только одно – кто-то едет. Раз кто-то едет, то это или Багажники, или Меганики. От тех и других предпочтительнее держаться как можно дальше. Отточенный инстинкт охотника подсказал мгновенное решение. Герман стрелой рванул назад, на ходу окликая Франца. Тот все еще колдовал над телами – стучал указательным пальцем по грудной клетке, пытался привести одного из Мусорщиков в чувство. Герман успел подумать, что, если бы не тревога, скоро могло дойти до искусственного дыхания, схватил парня за предплечье и потащил прочь, увлекая за собой в развалины. Франц поначалу возмутился подобной бесцеремонностью, но, расслышав гул мотора, немедленно заткнулся и больше не спорил. Они втиснулись в темную трещину в стене, Герман никак не мог протолкнуться в нее, настолько она была узкой, потом все же подобрался всем телом и залез внутрь. Колочая проволока зацепилась за уже испорченный рукав куртки, и они оказались в тесном укрытии – ловушке. Если бы Герман знал, что выхода отсюда нет, ни за что бы сюда не сунулся. Четыре стены, завал на том месте, где когда-то была дверь, и трещина, со стороны которой приближались неизвестные.

Франц привалился к стене, стремительное бегство напугало его. Верный крысочек прижимался к ногам Германа. На всякий случай следопыт взял зверя за широкий ошейник.

Через секунду на улице послышался отчетливый рев мотора. Герман осторожно выглянул в расщелину и увидел медленно двигавшийся вдоль улицы грузовик. Машина, хоть и была обшита бронированными стальными листами, ничуть не походила на знаменитый танк Багажников. Герман готов был поручиться, что подобный грузовик он видит впервые. На кабине никаких опознавательных знаков клана, управляющего тоже не видно – вместо лобового стекла у грузовика была бронированная пластина с узкой смотровой щелью. Рядом с ней торчало черное жерло короткоствольного пулемета. Грузовик надсадно ревел двигателем и двигался прямо к телам Мусорщиков и... заветному мешку с корнеплодами.

“Вот черт! – выругался про себя Герман. – Франц, проклятый кретин! Угораздило же меня связаться со щенком! Конечно, мешок они не пропустят!”

И ничего нельзя сделать! Он с трепетом продолжил наблюдать за происходящим, ощутив бессильную злобу, с трудом подавил желание дать мальчишке хорошего пинка. Доверил ему самое простое – тащить мешок, но даже с этой задачей он не справился!

Грузовик со скрипом остановился, едва не наехав на тела впавших в транс Мусорщиков, и оглушительно чихнул, выпустив из трубы, торчавшей под квадратной кабиной, едкое облако черного дыма. Затем управляющий заглушил мотор, и бронированная дверь кабины с лязгом отъехала в сторону.

Вид выпрыгнувшего из кабины человека Герману сильно не понравился. Правая рука незнакомца была металлической – выполненные из титанового сплава шарнирные суставы и цельный жесткий остов. Такой ручкой запросто можно пробить каменную стену, но чаще всего хозяева используют ее для тяжелой работы. Меганики. Сердце предательски заколотилось. Если кого и следовало особо опасаться в Городе, то Меганики – хорошо оснащенных, уверенных в себе, фанатичных, отлично знающих свое дело, использующих другие кланы для своих нужд и устремлений...

Из стального кузова машины выпрыгнули еще шестеро. Все вооружены короткими парализаторами. А у двоих еще и автоматические ружья. Обладатели огнестрельного оружия встали по краям грузовика, изучая местность на случай непредвиденных обстоятельств. Остальные принялись затаскивать тела впавших в транс Мусорщиков в грузовик. Бросали их в кузов, не особенно церемонясь. Работая, Меганики почти не разговаривали друг с другом, только по делу – у них была четко поставленная задача, и они старались выполнить ее быстро и в кратчайшие сроки.

– Чертовы механизмы, – проворчал Герман.

В работе, слаженно делая свое дело, Меганики и вправду более напоминали машины, а не людей. Они двигались синхронно, крепкие конечности бросали обездвиженные тела легко, словно они ничего не весили. Мышечная сила Мегаников, насколько знал Герман, многократно усиливалась вживленными под кожу имплантами. Поэтому другие кланы с ними старались не связываться.

После того как тела всех четверых мусорщиков оказались в кузове, один из Мегаников вынул круглый прибор и что-то покрутил в нем, наблюдая за показаниями.

– Это еще что такое? – прошептал Герман. – На датчик радиации вроде непохоже.

Франц выглянул в трещину рядом:

– Это тепловой локатор! – Голос его дрожал от страха.

– Что еще за локатор? – спросил Герман.

– Они узнают, где мы находимся... – пояснил Франц.

– Да? – Герман уставился на Меганика, испытав мгновенный укол страха.

Крепкий тип с локатором медленно поднял глаза от прибора и уставился на расщелину, где они прятались. Герман отшатнулся и прижался к стене. Теперь сердце колотилось уже

не в груди, а где-то около горла. Чертовы Меганики! Ну и угораздило же вляпаться в такую неприятность! Похоже, этот Франц создан для того, чтобы приносить несчастья.

Послышался резкий окрик, кажется, парень с локатором подозвал остальных и стал что-то им втолковывать. Ясно что – говорит, надо вытащить из-за стены обнаруженные благодаря прибору тела и погрузить их в грузовик.

– Что будем делать? – испуганно прошептал Франц, ему переданся страх, колотивший Германа.

– Лучше помолчи, – сердито прошептал следопыт. – Я думаю!

“В арбалете два болта, последняя из обойм – пороховая – на поясе, с ножом против любого из Мегаников вряд ли продержишься долго, но кроме драки на ум ничего не приходило. Как выбраться из западни? Как отсюда выбраться?!”

Судорожные размышления Германа прервали отчетливые шаги. Один из Мегаников приблизился к укрытию и принялся расширять трещину. Он ломал кирпич тяжелой механической конечностью, сохраняя зловещее молчание. Остальные ему не помогали. Слышалось едва различимое жужжание – это суставы врага двигались в шарнирных сочленениях. Потом Меганику, видимо, надоело крошить кирпичи, и он сунул в трещину руку, намереваясь зацепить стену целиком и развалить ее одним рывком. Герман отступил назад, глядя, как механические пальцы ложатся на красно-коричневый хрупкий от времени камень. Охотник поднял арбалет и прицелился.

“Как только стена рухнет, выстрелю ему в башку! – решил Герман. – А там будь что будет!”

Вдруг там, где стоял грузовик, что-то затрещало и послышался чей-то голос, заглушаемый помехами. Рука мгновенно исчезла. Опять – тяжелые шаги, потом зазвучали голоса, выкрики, Меганики явно о чем-то спорили.

– У них там рация! – изумился Франц.

– Заткнись!

Прошла почти минута, затем взревел мотор, и Герман понял, что грузовик отъезжает. Сборщики парализованных Мусорщиков отправились куда-то по срочному делу. Ну и скатертью дорожка! Охотник выглянул наружу. Мешок лежал на том же месте, где его бросил Франц...

“Не заинтересовались”, – подумал Герман и мысленно возликовал.

– Пошли, – он дернул Франца за рукав...

От частых дождей и прошедших со времени Последней войны веков некогда блестящие рельсы покрылись толстым слоем ржавчины, шпалы рассохлись, заросли буйной летней травой. Герман и Франц осторожно шли вдоль старых железнодорожных путей. Шли молча. Герману было о чем подумать, и Франц, почувствовав, что его спутник не в настроении, замолчал и с глупыми вопросами не приставал. Крысочка иногда забегал далеко вперед, потом возвращался, вилял лысым хвостом, а затем вновь уносился исследовать местность.

Герману не давали покоя Меганики и то, что произошло совсем недавно. На кой черт им понадобились вонючие тела Мусорщиков? Ответа на этот вопрос Герман никак не мог найти. Какого дьявола здесь вообще происходит?! Что случилось со всеми? Мусорщики, медведко-червь, ревуны... Все они впали в необъяснимый транс. Заболели? Но почему тогда болезнь не поразила их с Францем и Мегаников?

Впереди на рельсах показался ржавый остов локомотива, сзади к нему были прицеплены два вагона-цистерны. Герман сошел с рельс и, не обращая ровным счетом никакого внимания на состав, обогнул преграду и вернулся на железнодорожное полотно. Он заметил, что Франц таращится на огромную заржавленную и обгоревшую машину из прошлого во все глаза.

– Ты что, никогда раньше не видел подобной рухляди? – буркнул Герман.

– Что? А... да! Не видел, только слышал о поездах. Не могу поверить, что подобные штуки до войны ездили по всей планете. Герман с подозрением уставился на своего попутчика.

– Вот бы прокатиться! – между тем восторгался Франц.

– Как же ты на нем прокатишься? – хмыкнул Герман. – Провода обесточены. В этом районе электричества лет сто пятьдесят уже нет. Да и машина давно пришла в негодность.

– А ты откуда знаешь?

– Лет пять назад залезал внутрь, думал, может, найду там что-нибудь интересное. Там вся эле... электроника выгорела. Ну, когда... Ты понял.

Франц понял. Когда на северную часть Города сбросили бомбу, пожаров было много. Почти вся чувствительная техника пришла в негодность...

– А в цистернах что? – Франц опять обернулся к локомотиву.

– А жевала его знает, – бросил Герман, отчаянно связывая ниточки ускользающих догадок. – Но не бензин, точно. Иначе во время вспышки весь локомотив взлетел бы на воздух. По мне, так лучше не проверять. Не поручусь, что там нет химикатов или еще какой ненужной дряни.

“Даже если бы там был бензин, – подумал Герман, – то его давно бы откачали”.

Поперек железнодорожных путей лежало несколько перевернутых и большей частью разрушенных вагонов того, что раньше называлось пригородным пассажирским поездом. Пришлось обходить. Франц заглянул в одно из разбитых окон и, вскрикнув, отшатнулся.

– Там скелеты!

– А ты чего ожидал увидеть? Голую девку?! – Голова у Германа все еще болела, и настроение было паршивым.

Больше Франц не проявлял любопытства, всю дорогу до реки молчал. Только когда путники подошли к мосту, Франц выдал восхищенное “ух”.

Перед ними раскинулась широкая лента реки. Небо затянуло облаками, казалось, что речная вода пожирает солнечный свет, впитывает его и отражает глубоким матовым сиянием. Стояло позднее утро, туман полностью растворился, и район, где жили Ветродувы, был виден как на ладони. До войны в Нидерраде располагались жилые кварталы, здесь был крупный парк и множество зеленых насаждений. Бомба упала на севере, там, где Город был современным мегаполисом и простирался к небу многочисленными стрелами небоскребов, а эта часть Города тогда практически не пострадала, дома здесь стояли низкие, каменные, старой постройки.

После того как предки Ветродувов покинули Убежище, клан жил вольготно на зависть соседям. Желających примкнуть к Ветродувам было много, но Старый Кра в отборе новых членов руководствовался исключительно собственными предпочтениями и практическими соображениями, поэтому большинство чужаков чаще всего изгонялись. Исключение делалось для женщин, способных рожать, и сильных мужчин, обладающих навыками охотников, следопытов, механиков или врачей.

У Франца были все шансы стать полноправным членом клана, но Герман все больше испытывал подозрения, что парень совсем не тот, за кого себя выдает. Не снял ли он куртку с перечеркнутым волнистой линией кругом – знаком клана Бастиона – с убитого? Кто он на самом деле? Жизнь научила Германа осмотрительности и жестокости, но в случае с мальчишкой он повел себя как законченный идиот – поверил в рассказы незнакомца, повел его в родной клан...

За размышлениями Герман не заметил, как они пришли.

– Нам туда? – Франц кивнул на мост.

– Да, – сухо ответил охотник.

– А другого пути нет?

– По мосту раньше поезда ходили, так что твой вес он точно выдержит.

Франц с опаской покосился на колоссальную, проржавевшую до самого основания конструкцию, соединяющую берега Майна. Мост угрюмым великаном угрожающе навис над рекой. Двенадцать мощных бетонных опор уходили в воду, удерживая могучую конструкцию от падения. Герман не врал: несмотря на ржавые крепления и опоры, мост все еще был крепок. Лет триста он еще простоит, а потом, как и другой мост, находившийся дальше по течению, рухнет. Герман скосил глаза влево и увидел вдалеке торчащие из воды, словно зубы огромной рыбы, железные опоры – вот и вся память о некогда существовавшем мосте. Когда-нибудь жернова времени перемелют все постройки старого Города, и с берега на берег придется переправляться вплавь.

Несмотря на стойкую уверенность в том, что мост пока крепок, Герман передвигался по нему крайне осторожно. Крысочек, почувствовав настроение хозяина, перестал носиться по округе и пошел рядом. Несмотря на то что мост был железнодорожным, по краю на нем имела пешеходная дорожка. По ней Герман и Франц отправились в путь.

Опираясь на ржавые перила, Франц смотрел вниз, на серую воду. Там внизу перекачивались тяжелые серо-голубые тела, рассекая мутную гладь, проплыл острый плавник, и гигантская рыба скрылась из виду.

– На перила не налегай, – предупредил Герман, – они совсем гнилые!

– Смотри! – Франц ткнул вниз указательным пальцем. – Рыба тоже не уснула.

– Ну и что? – вяло откликнулся Герман. У него так болела голова, что ему не было дела ни до каких рыб. К тому же с некоторых пор парень его раздражал.

– Это означает, что рыба, как и мы, находилась ниже уровня действия А-импульса. Подвал того дома был чуть выше уровня реки, – заключил Франц.

Его вывод так поразил Германа, что он уставился на мальчишку немигающим взглядом.

– Какого... какого импульса? – спросил Герман.

– А-импульса, – не понимая, куда клонит охотник, пробормотал Франц.

– Ах, А-импульса, – откликнулся Герман, – ну тогда все понятно!

В этот момент он испытал страстное желание схватить умника за ноги и швырнуть его вниз, пусть полюбуется на свою рыбку с близкого расстояния. То-то рыбешкам радости будет! Так бы плавали и плавали без завтрака, а тут на тебе – сам пришел. Даже не пришел, а прилетел откуда-то сверху – подарок неизвестных богов.

Не раздумывая больше ни секунды, Герман схватил Франца за грудки, бросил через бедро и, прижав паренька всем своим немаленьким весом к мосту, достал нож.

– Ты кто такой?! – прорычал он. – Говори быстро!

– Ты что?! С ума сошел?! Я из клана Бастиона! – хлопая серыми глазами, затараторил Франц. – Заблудился я, а тут ты, ну я и думал, что ты меня...

– Что? К Ветродувам приведу, да?! – рывкнул Герман и встряхнул мальчишку, словно крысочек пойманного ревуна. – Говори, кто тебя послал?

– Больно же! Пусти! – дернулся Франц, но Герман держал его крепко. – Я из клана Бастиона!

– Бастиона?! Чушь! Если ты Бастионовец, то какого дьявола ни разу не видел поезда?!

– Но в нашем районе нет поездов! – Побледневший Франц все еще пытался сопротивляться. – Там одни небоскребы!

– Да?! А депо?! Депо, где стоит куча таких вот ржавых локомотивов?! Если ты из Бастиона, то должен был раньше видеть поезд! Что ты на это скажешь?!

Франц ничего не сказал, только прикусил язык.

– Все! Ты мне надоел! – Герман поднес нож к лицу паренька. – Или ты говоришь мне, кто ты такой и что произошло сегодня утром, или в свой клан я пойду один, а ты отправишься кормить рыб!

Про себя Герман судорожно соображал: кем же могли быть неведомые враги, решившие подослать к Ветродувам шпиона? Мусорщики – точно нет. У них мозгов на это не хватит. Медоеды? Тоже отпадает. Ветродувы дружили с этим кланом. Багажники? Да не похож он на Багажников. Те народ дикий и неуправляемый, а этот – сопляк сопляком... Поджигатели? Вполне возможно, но тоже что-то верится с трудом. Меганики? Очень возможно, если бы не одно но. Меганики ненавидят мутантов и чуть ли не через каждое слово начинают говорить проповедями из своего священного писания, рассказывая о том, что мутанты – зло и семя дьявола. Будь Франц Мегаником, живи он с ними – точно не смог бы так просто выносить крысokота, да и выдал бы себя словами. А на памяти Германа Франц ни разу не помянул бога, а уж тем более не бросался фразами из проповедей фанатиков. Нет, он точно не Меганик. Из какого-то менее влиятельного клана Города? Тоже маловероятно, почти невозможно. Всякой мелочи не до Ветродувов. Тогда кто же он такой?!

Паренек взглянул в побелевшие от бешенства глаза Германа и, поняв, что следопыт шутить не будет, сдался:

– Хорошо, Герман. Я скажу. Да освободи же ты мне руку! – крикнул он. – Ничего я тебе не сделаю!

Герман колебался, потом подумал, что бояться неопытного щенка – смешно, убрал от лица Франца нож и освободил ему правую руку.

– Может, ты с меня слезешь?

– Ты вроде собирался мне что-то рассказать. Лже-Бастионовец вздохнул и закатал рукав куртки. На предплечье Франца был вытатуирован красный крест.

– Вот черт! – выругался пораженный Герман и слез с Франца. – Госпитальер!

Франц сел и молча спрятал татуировку под рукавом куртки.

– Дьявол! Какого хрена?! Госпитальер! Парень, ты идиот или просто так хорошо притворяешься?! Почему ты сразу не сказал?! Зачем весь этот спектакль?!

– Сколько же ты интересных вопросов задаешь! – передразнил его Франц, страх медленно сползал с его лица. – Мне что, на все сразу отвечать?

– Можешь по отдельности, – Герман вдруг рассердился, – только очень быстро. Учти, я ждать не буду, сейчас скину тебя с моста в реку, рассказывай тогда рыбам, какой ты славный и хороший!

– Госпитальеры неприкосновенны. – Кажется, Франц не поверил ни одному слову охотника. – Ты ведь знаешь, что будет с кланом, который убьет Госпитальера.

Франц не спрашивал. Франц утверждал. Герман действительно знал, что произойдет с кланом, если один из его членов по глупости или недомыслию убьет Госпитальера. Такой клан лет на пять может забыть о всяком внимании со стороны людей, носящих на руках татуировку красного креста. И если за эти пять лет в клане неожиданно вспыхнет эпидемия какой-нибудь особенно опасной заразы, Госпитальеры и пальцем не пошевелят, чтобы помочь. Просто оцепят район и оставят подыхать всех, кто заболел. Без помощи, без таблеток и вакцин. А то и пройдутся огнем. Выжгут. В прошлом уже так бывало, что отверженные Госпитальерами кланы полностью вымирали от болезней или от огня.

Герман видел множество Госпитальеров. Чаще всего в оперативные бригады входили люди, облаченные в светлые комбинезоны. Опытные и уверенные в себе. Франц же почему-то таскал на себе куртку со знаком клана Бастиона. Зачем Госпитальеру скрываться под чужой личиной? Это наводило на разные нехорошие мысли. Герман опять подумал, что Франц – совсем не тот, за кого себя выдает.

– Откуда я знаю, что ты действительно Госпитальер? – буркнул он.

– У меня татуировка. Никто в здравом уме не будет присваивать себе знак чужого клана.

Франц прав, но Госпитальеры не клан – Госпитальеры – это одна из немногих организаций, оставшихся со времен Последней войны. Именно они боролись с частыми вспышками

эпидемий в Черные века. И именно они в пору своей былой силы уничтожали целые зараженные города.

– У тебя на куртке знак Бастиона, Госпитальер! – фыркнул Герман. – Ты присвоил знак чужого клана!

– Это для пользы дела, – запротестовал Франц.

– Расскажи это Бастионовцам, – нехорошо улыбнулся охотник. – Кстати, то, что ты мне о них рассказал – это правда? Действительно весь клан вымер от красного тифа?

– Да.

– И где же были твои друзья?

– Мы не успели, – сказал Франц.

– Хорошо, о Бастионе поговорим после. Так что делает Госпитальер так далеко от своей Базы? Зачем ты хотел попасть в мой клан? Ведь хотел, не отрицай. Потому ты за мной и шел. У тебя какое-то задание?

– Да, – не моргнув глазом ответил Франц.

– Опять врешь! – разозлился Герман, и Гнев, уловив настроение хозяина, зарычал. – Я готов поверить, что ты Госпитальер, видел, как ты порхал над Мусорщиком, но чтобы Красный крест отпустил с Базы в Город неопытного сосунка... на задание... Никогда я в это не поверю, Франц. Уж твоим начальникам должно было прийти в голову послать на важное задание кого-нибудь поопытнее тебя.

Франц обиженно надулся, вздохнул и кивнул:

– Ты прав. Никто меня никуда не посылал. Это моя инициатива – провести собственное расследование. Наши старики – жуткие консерваторы. Прежде чем что-то решить, они долго думают, а я не мог больше ждать. Решил сам все узнать. Ведь... Ведь если бы у меня получилось, может, и меня бы стали выпускать в Город на задания вместе с другими оперативниками. Ты не представляешь себе, как мне надоело сидеть на Базе...

– Давай только без соплей обойдемся, – проговорил Герман и, немного сбавив тон, спросил: – Так что ты решил разузнать?

Франц вздохнул и принялся рассказывать:

– Это случилось неделю назад. На Базу поступил сигнал, что в районе Бастиона вспышка красного тифа. Выдвинули силы, оцепили район. Почти все уже были мертвы, болезнь слишком быстро прогрессировала. На ногах оставалось не больше двадцати клановцев. Лишь девятых мы смогли спасти. Очаг заражения выжгли, постарались, чтобы инфекция не перекинулась в соседние кланы. Те, кто выжил, потом говорили, что из памяти у них выпал довольно большой промежуток времени и они совершенно не знают, откуда пришла болезнь. Мы им не поверили, подумали, что опять кто-то из них по глупости полез в старый могильник на Клаппергассе. Но один из наших, когда выживших поместили на карантин, решил проверить показания с помощью... Ну тебе это все равно ничего не говорит, в общем, с помощью одного прибора. И вот в чем странность – он обнаружил в мембранах нервных клеток исследуемых остаточные признаки А-излучения. Натрий-калиевый насос в клетках...

– Что такое А-излучение? – перебил Франца Герман.

– А-излучение... – Франц задумался, стараясь подобрать слова. – В общем, еще до Последней войны проводили исследования. Пытались разработать такую штуку... Ну представь себе – проводишь А-излучением по какой-то отдельно взятой местности, и все вражеские солдаты оказываются парализованы. Их можно тепленькими брать. У нас, кстати, шоковые дубинки именно на основе А-излучения делают.

Герман знал, о чем идет речь. У Госпитальеров были небольшие дубинки, чтобы обездвигивать слишком агрессивных “пациентов” или тех, кто из-за болезни лишился родственников и сам не хотел жить – отчаянно сопротивлялся. Вдарят тебе такой в солнечное сплетение – и лежишь часа три в полной отключке, а Госпитальеры спокойно вводят вакцину. Многим они

таким образом спасали жизнь. Те в шутку потом говорили: “Своей жизнью я обязан шоковой дубинке, и только ей одной!” или “Мои вторые родители – Госпитальер и его шоковая дубинка”.

– На Базе заинтересовались, стали копать глубже, – продолжил свой рассказ Франц. – Выходило, что кто-то облучил район Бастиона А-излучением, а затем, чтобы скрыть улики, подбросил им красный тиф.

– Откуда ты знаешь, что им его подбросили?

Франц засунул руку в маленькую поясную сумку и протянул Герману два тонких металлических цилиндрика, каждый с палец величиной. Герман взял их у Франца и принялся разглядывать. Оба цилиндрика были закрыты герметичными крышками. Практически никаких отличий, на одном из них была выдавлена странная надпись “RH-058”, другой был абсолютно гладким.

– Что это? – спросил Герман.

– Тот, что с надписью, – это довоенный образец. Он под завязку полон красным тифом. А тот, что без надписей, создан кустарно. Уже после войны. Именно его мы и нашли в районе Мусорщиков.

Услышав о том, что держит в руках заразу, Герман едва не бросил цилиндры.

– Откуда они у тебя?

– Взял на Базе, – смутился Франц, – мне нужны были доказательства...

– И много в них заразы? – цедя слова, как Старый Кра свой настоящий на мышинном дерьме самогон, поинтересовался Герман.

– Тот, что без букв, – пустой. Его использовали в районе Бастиона. А довоенный... Если вдруг он откроется, то его хватит уничтожить Борнхейм в течение недели. Не бойся, они герметичны и нам ничего не грозит.

Герман в который раз за день выругался и, широко размахнувшись, бросил оба цилиндра с моста. На прощание они сверкнули в воздухе и упали в воду. Поверхность ее тут же закипела. Активные рыбешки боролись за блестящую под солнечными лучами добычу.

– Ты что?! – заорал Франц.

– Ты и вправду дурак! Я не собираюсь тащить заразу в клан!

– Вода! Ты их бросил в реку! Ты понимаешь, что случится, если бактерии попадут в воду?!

– Ты сам говорил, что они герметичны, – немного растерялся следопыт, но быстро пришел в себя, – а проржаветь они не могут, этот сплав не поддается ржавчине. Рассказывай дальше.

Франц так посмотрел на Германа, что стало ясно: если бы у молодого Госпитальера была шоковая дубинка, он бы немедленно пустил ее в дело...

– Нечего больше рассказывать. Кто-то облил район А-излучением, что-то там сделал и напоследок замел все следы, кинув тот самый цилиндрик.

– Как можно облить район А-излучением? Ведь не с дубинкой же они бегали!

– Ты знаешь, что такое спутник? – помолчав, спросил Франц. – Военный спутник?

– Ну... Знаю. Старики рассказывали. Это такая хреновина, высоко в небе летает. И на ней ракеты или еще чего.

– Так вот, был до войны спутник. Экспериментальная модель. На нем располагался А-излучатель. Вполне возможно, что с его помощью район Бастиона и накрыли.

– Невозможно! – возразил Герман. – Со времен Последней войны все технологии утеряны! Кто, по-твоему, управляет спутником?

– Меганики, например. Они технологии не потеряли.

– Если у них кибер-руки, это не значит, что они могут ими дотянуться до спутника.

– Знаю. Для управления спутником нужна принимающая антенна, – кивнул Франц.

– Чего?! – не понял Герман.

– Ну... Такая тарелка, через которую в небо идет сигнал. В Городе такой нет, это точно. Наши проверили.

– Значит, это не Меганики, – уверенно сказал Герман.

– Нет. Это Меганики. Слушай дальше. Наши забили тревогу, но ничего найти не смогли. Вообще ничего, кроме того цилиндра и остаточных симптомов облучения. Кстати, через четыре часа они полностью проходят. Так вот, пока на Базе думали, кто-то жажнул излучением по территории Медоедов. Мы успели вовремя, зараза еще не распространилась. Почти всех спасли. Но сорок человек из клана исчезли. Словно их и не было. Вот тогда-то я и решил провести собственное расследование.

– Уж ты бы провел! – хмыкнул Герман. – Расследователь...

– И провел! – разгорячился Франц. – Пока мы сидели с тобой в подвале, спутник ударил по району Мусорщиков. Нам повезло, А-излучение поражает тех, кто находится на поверхности земли. А потом мы с тобой что увидели? Правильно. Мы увидели, как Меганики грузили тела сонных Мусорщиков в машину. Этим и объясняется пропажа Медоедов. Меганики планомерно облучают районы города. А затем заматают следы, подбрасывая красный тиф. Кто будет искать пропавших и думать, что произошло, когда надо справиться с болезнью и трупы сжигают без счета?

– Не понимаю, зачем им это надо? – удивился Герман.

– Не знаю, – покачал головой Франц, – я хотел узнать, и не только я, но...

– Значит, Меганики, не имея этой... как ее... приемной антенны, – перебил его следопыт, – управляют военным спутником и лупят по Городу сонной дурью, так?

– Да, – подтвердил юный Госпитальер.

– Ты сам-то себе веришь? Будь у Мегаников доступ к этому спутнику, они бы давно им воспользовались и перебили всех мутантов. Что-то не так в твоих догадках.

– Знаю. Что-то не сходится. Возможно, за Меганиками стоит кто-то еще.

– Угу. Багажники. А за Багажниками Кошачьи дети. Чушь все это!

– И вовсе не чушь! – обиделся Франц. – Если мы поймем, зачем Меганики собирают тела, возможно, нам удастся узнать, кто стоит за ними.

– Вставай! – бросил Герман, внезапно решившись. – Отведу тебя к Кра. Расскажешь ему свою нелепую историю. Там подумаем, что делать. Заразу я все равно выбросил, так что большой опасности ты сейчас не представляешь.

– Мне бы на Базу вернуться, – жалобно пробормотал Франц, – надо своим рассказать, что я видел.

– Вернешься. От нас до вашей Базы два района. Проведу тебя, так и быть. Смотри лучше под ноги, а то в реку к рыбам загремишь...

Они двинулись дальше. Уже на самом конце моста, перед тем как ступить на твердую землю, Герман услышал, как Франц пронзительно вскрикнул за спиной. Следопыт резко обернулся и успел увидеть только, как под Госпитальером проваливается металлическая балка и он летит вниз. Забыв про осторожность, Герман прыгнул, сам едва не улетев в разверзшуюся пропасть, и успел схватить Франца за руку. Парень отчаянно кричал, болтая ногами над мутными водами Майна. Мелкие рыбешки выпрыгивали из воды и ловили в воздухе падавшие сверху камешки и травинки, крупные земноводные плавали по самой поверхности, ожидая более крупную дичь. Герман вдруг осознал, что обросший настом металлический остов моста совсем ненадежен. Крысочка, повизгивая, бегал кругом, не зная, чем помочь хозяину. Герман осторожно продвинулся еще ближе к провалу, что было с точки зрения здравого смысла совершенным безумием, крепко обхватил тонкую руку Франца и аккуратно потащил парня вверх. Бугры мышц вздулись на крепких руках охотника.

“Парень – сущее наказание, похоже, он просто притягивает неприятности, – подумал Герман, – если бы я его не встретил, уже был бы дома”.

– Держись!

Госпитальер потянулся и схватился что было сил за его – руки. Так может держаться только тот, кто отчаянно хочет жить. Охотник отползал все дальше от края, моля всех богов о том, чтобы балки под ним оказались достаточно крепкими и выдержали...

То ли боги услышали его молитву, то ли он был достаточно осторожен, но через минуту Герман и Франц сидели поодаль от дыры и тяжело дышали.

– Ты просто человек-приключение! – проговорил наконец Герман.

– Ага, мне все это говорят, – откликнулся все еще бледный Франц и улыбнулся, обнажив ряд белых зубов.

Неожиданно для себя Герман рассмеялся. Наверное, ему на роду написано все время вытаскивать мальчишку из неприятностей.

– Ладно, пошли. – сказал он, поднимаясь. – Время не ждет!

Франц было потянулся к мешку, но Герман покачал головой:

– Тут недалеко осталось. Лучше я сам.

Они обогнули дыру и направились дальше. Левее и впереди уже виднелись приземистые здания района Нидеррад и лесные массивы бывшего Парка справа. В давние времена здесь было местечко, называемое Лесной стадион, а теперь располагались охотничьи угодья клана Ветродувов.

Глава третья

ПУСТЬ СУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ ЛЮДЬМИ, ГОВОРЯТ:

И решил Господь в бесконечной мудрости своей испытать детей своих пламенем и мором. И было так. И выжил лишь тот, кто верил Ему, и чтит Его, и пошел за Ним, не оглядываясь в прошлое. И вел Он их сквозь Черные века, даруя силу. И выжили они, вернувшись в мир, и повстречали теней. И жили они вместе с теньями, делясь с ними кровом, хлебом и семенем. И создали они кланы.

ВНЕМИТЕ ГЛАСУ ЧИСТОГО РАЗУМА:

И решил Господь в мудрости своей испытать детей своих пламенем и мором, ибо многие из них предались тьме. И было так. И выжили те, кто верили Ему, и чтит Его, и пошли за Ним, не оглядываясь в прошлое. Но были и те, кто шел за Ним, но души их были полны злобы и тьмы. И выжили они в Черные века, и вернулись в мир вместе с детьми Его, повстречав теней. Паршивы овцы, делящие с теньями кров, хлеб и семя. И сами они стали теньями, и создали кланы, отравляя жизнь детей Его.

Последний Завет. Книга Нового мира. Послание заново рожденным. Ст. 1

– Говорят, Ветродувы – жуткие скупердяи! – неожиданно заявил Франц, так что Герман даже поперхнулся и свирепо уставился на своего спутника: секунду назад мальчишка был на краю смерти, а теперь на тебе – рассуждает о прижимистости членов его родного клана.

“Похоже, парень далеко пойдет, – подумал Герман, – такой наглости можно только позабавлять”.

– Интересно, вы, Госпитальеры, все такие нахальные? поинтересовался он.

– Все! – не моргнув глазом ответил Франц. – Просто мы всегда говорим то, что думаем, стараемся никогда не скрывать то, что у нас на уме. Так честнее, на мой взгляд...

“Еще бы вам не говорить все, что у вас на уме, – подумал Герман. – Когда все вокруг знают, что убить Госпитальера равносильно самоубийству, можно молотить языком все, что только в голову придет!”

Вслух он только хмыкнул.

– А это правда, то, что про вас рассказывают? – Франц, похоже, испытывал его терпение.

– Что правда?! – Герман начал потихоньку выходить из себя, голос его прозвучал сердито, но мальчишка, казалось, этого не заметил и продолжил задавать идиотские вопросы:

– Ну, говорят, будто даже в период Большого голода вы отказались поделиться с кланом Медоедов провизией?

– Правда, – нехотя выдавил Герман, – но не я же принимаю решения, кому давать еду – кому не давать. Я – только следопыт и охотник. А на то, чтобы думать, что хорошо для клана, а что плохо, есть глава – Старый Кра.

– И что, этот Кра – большой скупердяй? – поинтересовался Госпитальер.

Герман с трудом сдержался, чтобы не отвесить мальчишке хороший подзатыльник. Некоторые члены клана Ветродувов за Кра могли и горло перегрызть, но Герман главе клана не слишком симпатизировал. В отличие от остальных он никогда не питал иллюзий на счет лысого лиса, потому что отлично знал о его достоинствах и, что намного важнее, недостатках.

– Увидишь его сегодня, – проворчал Герман, – сам все поймешь... Скупердяй – нескупердяй. В клане про Кра лучше глупые вопросы не задавай, – предупредил он. – Могут и по башке дать. Люди его любят.

– Я – могила, – кивнул Франц.
– Не накаркай, лучше уж говори, что ты глухонемой.
– Я глухонемой, – послушно откликнулся Госпитальер и сделал жест, как будто зашивает себе рот. – Я – глухонемая могила!
– Очень смешно, – проворчал Герман.

За мостом, у старой, местами покосившейся и рухнувшей ограды того, что на довоенных картах района Нидеррад называлось Лесным стадионом, царила мертвая тишина. Это затишье могло обмануть кого угодно, но только не Германа. На самом деле лесной массив был полон жизни, правда, почти всех хищников охотникам клана удалось вывести. Хотя сил на это было положено немало и крови пролилось достаточно. В прошлом году завалили последнего плотоядного кабара – коричнево-черную зверюгу, бегавшую на шести крупных многосуставчатых ногах.

Герман вспомнил, как кабар ломился через лес, бороздя длинными клыками землю, вверх летели куски сухого дерна, зверь яростно ревел, и желтая слюна разлеталась от его сморщенной злобной морды. Тогда кабар задрал одного из охотников, а Старшему охотнику клана – Ворону разорвал ногу. С тех пор Ворон немного прихрамывал.

Теперь шкура кабара украшала дом Старого Кра, а в Парке жили в большом количестве крупные зайцы, грызуны, мясо которых не слишком горчило, и птицы – целые стаи бело-голубых уток рано утром взмывали над деревьями и кружились в синем небе, оглашая окрестности протяжным криканьем. Встречалась и более крупная дичь, такая как олени-ковора, в брачный период проявлявшая излишнюю активность, а иногда даже агрессивность.

Хотя мимо Парка можно было бродить без опасений, что тебя проглотит кто-нибудь большой и не в меру зубастый, все же следовало вести себя очень осмотрительно и, по возможности, не делать резких движений. Крысочот, конечно, предупредит в случае опасности, но осторожность еще никому не вредила.

За мостом, охраняя проход на территорию Ветродувов, постоянно дежурило несколько членов клана. Незваных гостей ждал резкий окрик и предложение пойти прогуляться где-нибудь в другом месте. Грубых – арбалетный болт в ногу. Настырных, бестолковых, агрессивных, непонятливых, чрезмерно веселых, слишком угрюмых и всех прочих – пуля в голову и полет в реку – рыбам на корм. Поэтому Герман за мостом сбавил шаг и шел к поселению Ветродувов медленно, чтобы охрана моста могла его хорошо рассмотреть. Охотников с плохим зрением в охранение, впрочем, не ставили.

Франц же, вызывая у Германа все большее раздражение, тараторил без умолку: рассуждал о жадности Ветродувов, о талантах Багажников, вспоминал о коварстве нехороших Мегаников и строил предположения о том, куда они всадят порцию А-излучения в следующий раз.

– Помолчи, глухонемая могила, – попросил Герман.
– Все, молчу, молчу. – Франц снова сделал жест, будто зашивает себе рот.

Герман подумал, что неплохо бы воплотить жест Франца в реальность. Вот тогда можно было бы насладиться тишиной и спокойно обмозговать складывающуюся в Городе странную ситуацию.

Они добрались до первого звена ограды. Охотник положил руку на плечо Франца, показывая, что здесь необходимо остановиться. Приложив ладони к губам, Герман дунул. Звук вышел странным, словно кричала утка, решившая вдруг, что она в одночасье сделалась кабаром. Из Парка донесся ответный сигнал.

– Кто это? – спросил Франц.
– Те, кто, не услышав условный сигнал, сначала всадят тебе в живот арбалетный болт, а потом уже станут разбираться, кто ты такой.
– Понял! – кивнул Франц и последовал за Германом по парковой дорожке, стараясь держаться к нему поближе.

Они прошли несколько десятков шагов. Заросли возле дуба вдруг пришли в движение, и то, что Франц вначале принял за раскидистый куст, стало во весь рост. Одевание человека было зеленым, всюду в специальных петличках торчали ветки, вооружение его составлял также выкрашенный в зеленый цвет арбалет, да еще нож, рукоятка которого торчала из-за голенища высокого сапога. Второй охотник легко спрыгнул с нижних ветвей дуба, росшего на противоположной стороне парковой дорожки, положил на локтевой изгиб ружье и дружелюбно улыбнулся.

Герман отлично знал этих охотников. Длинный, жилистый Ганс с побитым оспой лицом и раздувшимся из-за нароста огромным ухом и пухлый Фридрих, для которого стоять на часах, обратившись в куст, было настоящим мучением. Однажды Герману довелось заступить с Фридрихом на дежурство и до самого утра пришлось слушать его нытье: “Перекусить бы сейчас! Рыбки бы свеженькой или мясца какого-нибудь?”

Герман улыбнулся в ответ и приветственно махнул рукой. Увидев, что он пришел не один, а со спутником, Ганс и Фридрих, уставшие от сидения на одном месте, решили подойти и узнать, кого это он с собой привел. Крысочек сердито хрюкнул, и охрана, зная, что у Гнева характер непредсказуемый (может и куснуть), предусмотрительно решила остановиться метров за тридцать и ближе не подходить.

– Привет, – проорал Фридрих, сморщив рожу, размалеванную зеленой краской.

“Сейчас спросит про паек, – подумал Герман, – похоже, это становится доброй традицией”.

– У тебя паек весь израсходован? – спросил толстяк. – А то торчали тут, понимаешь, всю ночь под дождем, как гриб Лукум на лысине.

– Весь, – ответил Герман, и обжора заметно скис.

– А это кто с тобой? – спросил Ганс, с интересом поглядывая на Франца. – Из клана Бастиона человек? Герман не стал ничего объяснять, только кивнул.

– Ты в нем уверен?

Герман опять промолчал, но так посмотрел на Ганса, что тот принялся оправдываться:

– Ну, ты же знаешь, Герман, если что, Ворон с меня шкуру спустит...

Что же, Старший охотник запросто мог устроить разнос и совсем без повода – характер у него был самый что ни на есть жесткий. Однажды Герман с ним серьезно поцапался, причем почти без причины. Всего-то и пошутил, что Ворона с его внешностью самого могут принять в Парке за дичь. С тех пор отношения с Вороном оставляли желать лучшего. Герман поглядел на Франца, словно прикидывал, уверен он в юном Госпитальере или же нет. Никак не мог забыть то, что совсем недавно он рассказывал ему, будто является представителем клана Бастиона...

– Да, я в нем уверен, – сказал он после длинной паузы.

– Не болеет?

– Пока нет, но зато... носитель черной чумы. – Следопыт скорчил страшную рожу.

– Глупые у тебя шутки, Герман, – обиженно заметил Ганс. – Я же для дела спрашиваю.

Герман пожал плечами, мол, не понравилась шутка – твои проблемы.

– А в мешке у тебя что? – оживился Фридрих. – Съестного ничего нет?

– Черепа, – ответил Герман.

– Черепа? – удивился толстяк.

– Ага, – подтвердил Герман. – Старый Кра попросил в этот раз привезти ему черепа Мусорщиков, штукеч пять-шесть, хочет из них ночные горшки делать, вот и тащу ему головы. Нарубил.

– Все бы тебе шутить, – махнул рукой Фридрих, но лицо его выражало сомнение.

К Герману в клане вообще относились с некоторым опасением. Опытный следопыт, он порой бывал излишне жесток, к тому же постоянно пропадал в других районах Города.

Он и раньше-то бывал в клане не часто, а уж когда умерла Альба, Германа и вовсе стали редко видеть. К тому же он обладал весьма специфическим, довольно черным чувством юмора. Когда он шутит, а когда нет, понять окружающим было довольно сложно. Порой его шутки могли обидеть до глубины души, но Германи до нежных чувств собеседника не было никакого дела.

С кривой усмешкой он смотрел на изменившееся в мгновение ока выражение лица толстяка, прекрасно осознавая, что тот все еще размышляет: действительно ли в мешке у Германа куча отрубленных голов или это он так удачно пошутил?

Тут Гнев подбежал ближе к охране и принялся порывивать на них уже довольно агрессивно.

– Ладно, Герман, пойдем мы. – Ганс махнул рукой.

– Удачи! – сказал Герман.

– Узнай там, когда этот гад меня сменит наконец, – попросил напоследок Фридрих.

– Хорошо, – кивнул Герман.

Охрана отправилась обратно к деревьям. Первые шагов десять они пятились, не решаясь подставить зады под зубы крысokота. Герман слегка подтолкнул Франца в спину, и они отправились к домам Ветроуов.

– У него на ухе нарост, – прошептал Франц, наблюдая за ловко забирающимся на дерево тощим Гансом.

– Да, сколько его помню, он всегда ходил с этой штукой. Правда, теперь она стала такой здоровой, что уже непонятно, кто чей нарост...

– Я бы мог это вылечить, – уверенно заявил Франц, – нужно только пройти полный курс лечения. Ну и противогрибковые мази, конечно, потребуются, с Базы.

– Думаю, он не согласится, – усмехнулся Герман и пошел дальше, уже нисколько не обращая внимания на сидевших в засаде охотников.

– Но почему? Он же ему наверняка мешает. Ведь это же уродство!

– Зато он видит с ним хорошо.

– Не понимаю.

– Чего ты не понимаешь? Он ночью благодаря этой штуке любого, у кого теплая кровь, за сто шагов увидит.

– Так она же на ухе. Как же он ей видит? – удивился Франц.

– Что ты ко мне пристал?! – обзвился Герман, вспомнив, что и он тоже может отлично видеть, а точнее чувствовать, на расстоянии. – Говорю, видит – значит, видит!

Следопыт подумал, что они с Гансом вроде как родственники. Его умение сканировать район и ощущать людей было чем-то сродни Гансовому умению видеть на далекие расстояния. Правда, дар Ганса был намного богаче – видел он яснее и дальше, – но Герман бы ни за что не согласился поменяться с ним местами. Носить вместе с ухом такую вот громоздкую штуковину, которая к тому же со временем все увеличивается и увеличивается в размерах, – нет уж, увольте.

– Так он что, Универсал? – поинтересовался Франц. Герман вздохнул. И за что ему такие муки? Может, прямо сейчас достать шовный комплект и заштопать неумный рот?!

– Ты вообще разницу между мутантом и Универсалом знаешь? – поинтересовался Герман.

– Ну да... – несколько помедлив, сказал Франц. – У мутантов очень сильна фенотипическая и генотипическая изменчивость. И если их доминантные гены проявляются в выжившем потомстве, то...

– Проще можно? Тут тебе не совет Госпитальеров.

– Ну, – Франц заметно покраснел, – если проще, то мутанта можно определить как по ряду внешних признаков, так и по их измененному генотипу. И то и другое будет явным отклонением от стандартной довоенной нормы.

– А еще проще?

– Если у человека три глаза, восемь пальцев, зеленая кожа и шестьдесят пар хромосом, то он, вне всякого сомнения, является мутантом, то есть он тот, чьи предки пострадали во время Последней войны и в Черные века от радиации и мутагенов.

– Уже лучше, – удовлетворенно кивнул Герман, правда, он так и не понял, что такое “хромосомы”. – С мутантами мы разобрались. Теперь расскажи мне, чем они отличаются от Универсалов.

– Ну, Универсалы... Они как люди. Их совсем ничем не отличишь. Они полностью соответствуют всем нормам любого биологического справочника. Естественно, какой-то дрейф генов есть, но он есть у всех выживших после войны. Это было неизбежное зло.

– Проще... – прорычал Герман.

– Ну, в общем, Универсала нельзя определить никакими приборами. То, что они делают, они делают с помощью силы своего мозга. А так они самые обычные люди.

– Откуда ты знаешь, что силой мозга, а не левой ноги, например? – Герман похлопал себя по ляжке.

– На Базе, правда не на нашей, проводили специальные исследования. Один из Госпитальеров был Универсалом. Двигал взглядом предметы. Это было так... Так здорово!

– Угу. Здорово, – согласился Герман, представляя, что бы можно было сделать, обладая он таким даром. Можно у кого-нибудь из-под носа стянуть парочку сочных корнеплодов, ружьишко, а можно и камнем по башке кому-нибудь дать без помощи рук. – Ну и чем закончились эти исследования? – поинтересовался он. – Небось решили потом: как это он так ловко предметы двигает, а ну-ка посмотрим, что у него внутри?

– Не знаю, – честно признался Франц, – но наши никогда бы не сделали ничего плохого...

– Налево, – скомандовал Герман.

Они свернули с тропинки, обогнули заросшую ползучим плющом статую какого-то человека из прошлого. Кто был этот парень, Герман не знал, да и не интересовался – без толку. Жернова времени уже уничтожили надпись, да и над лицом статуи порядком потрудились: нос у человека отсутствовал.

Парк был огромным, но следопыт и не собирался проходить его насквозь – это было ни к чему. Он еще раз свернул налево, и они оказались в районе, застроенном низкими двух – и трехэтажными домами. В отличие от Мусорщиков Ветродувы не ленились и тратили уйму времени на то, чтобы поддерживать часть домов района в благопристойном виде. Так что люди селились не в подвалах, деревянных бараках и землянках, а во вполне приличных каменных жилищах.

Станцию подземки, находящуюся в этом районе Города, еще лет шестьдесят назад завалили старыми железками, камнем и разнообразным мусором, чтобы ни одна мерзкая тварь не выбралась наружу. Если какой-нибудь жевале вздумается прогуляться на свежем воздухе, то ей придется сползать в район Мусорщиков или Поджигателей. У Ветродувов жевалам делать нечего.

В самой середине территории, заселенной кланом, находился вход в Убежище, в котором предки клановцев пережили войну и Черные века. Внешне ничем не примечательное здание с заржавленной металлической дверью, оно вело в огромные катакомбы, имевшие выход даже в подземные лабиринты метро. Впрочем, таких, кто хотел бы прогуляться по нынешней подземке, не находилось – каждый знал, что подобная прогулка равносильна самоубийству...

– Уютно у вас, – неожиданно сказал Госпитальер.

– Чего? – не понял Герман.

– Уютно, говорю. И чисто.

– Стараемся. Если бы гадили под каждой дверью, то вы бы у нас навсегда поселились.

– Это точно. Грязь – первый шаг к эпидемии. А тут видно, что народ чистоплотный, следит за порядком...

Герман благодушно улыбнулся: похвала Госпитальера была адресована и ему тоже.

– ...и прижимистый, конечно, – продолжил Франц, – видно, что своего не отдаст.

– Опять завел старую песню! – рявкнул Герман.

– Сколько в клане людей? – не обращая внимания на сердитые интонации, поинтересовался Франц.

– Когда как... – буркнул Герман, но затем пояснил: – Кто сам уйдет, кого выгонят, кто пропадет в другом районе во время вылазки, ну и новые, конечно, приходят постоянно. Число людей у нас все время меняется. Нас человек триста – триста пятьдесят, может, сейчас уже чуть больше.

– И мутанты? – поинтересовался Франц, чем породил у Германа новую волну подозрений.

– И мутанты, – ответил он, – а что? Мы против них ничего не имеем, хотя в последнее время появились буйные головы, наслушавшиеся проповедей проклятых Мегаников...

Следопыт пристально посмотрел на мальчишку, но тот и глазом не повел.

Пройдя еще несколько домов, Герман остановился и вновь крикнул, как обезумевшая утка. Со второго этажа ближайшего здания пришел ответ, затем появился тощий парень, помахал рукой и улыбнулся.

– Вижу, ты с добычей, Герман!

– Здорово, Гюнтер. Есть немного. – Герман тряхнул мешок, демонстрируя добычу.

– Да нет, я про твоего спутника, – хмыкнул Гюнтер.

– А – разочарованно произнес следопыт.

– Мы тебя еще три дня назад ждали. Все прошло гладко?

Глядя на то, как Герман по-дружески общается с этим парнем, Франц заключил для себя, что они если и не друзья, то давние приятели.

– Лучше не бывает, дружище, – откликнулся Герман. – Мусорщики в восторге от того, что я покопался на их грядках. Так за нами бежали, но не добежали. По крайней мере некоторые из них.

Тощий засмеялся:

– Ну ты как всегда.

– А где все? – спросил Герман. – Что-то пусто нынче в Нидерраде. Или мне это только кажется?

– Торговцы приехали, так что почти весь клан на площади перед старой мэрией, – ответил парень. – Я и сам собирался, но у меня дежурство.

– А Старый Кра где, не знаешь?

– Там же, где и всегда. Сидит у себя в берлоге. Там к нему Пилигрим вроде бы проездом заскочил. С Торговцами вместе пришел. Общаются, как всегда, за бутылкой. Его же хлебом не корми, дай с очередным Пилигримом горло промочить и новости узнать...

Герман с пониманием кивнул.

– Ты Ганса и Фридриха видел? – спросил парень.

– Видел.

– Сильно на меня злые?

– Голодные малость, – откликнулся Герман. – А так ничего.

– А я проспал, – с тоской в голосе проговорил тощий, – ну ладно, надо спешить. – Он скрылся в окне.

– Его очередь заступать на пост, – пояснил Герман Францу, – но он еще ни разу вовремя не пришел. За это некоторые его сильно недолюбливают.

– А, так это про него толстяк спрашивал? – догадался Госпитальер.

– Про него! Про кого же еще?!

Герман повел глазающего по сторонам Франца дальше. Дома здесь по большей части были укреплены досками, рассыхающийся кирпич промазан глиной, верхние этажи строители частично разобрали, чтобы они не рухнули от старости. А из оставшихся после разборки камней возводили башенки и укрепления вокруг территории клана.

На улицах стали попадаться люди. Кто-то спешил по своим делам, кто-то беседовал. С криками пробежала ватага ребятишек – играли то ли в прятки, то ли в Меганики – Мутанты. Германа узнавали, окликали, спрашивали, как дела. Впрочем, не все были к нему одинаково дружелюбно настроены. Франц заметил, что некоторые при виде слепопыта отворачиваются в сторону, а угрюмый тип с плоским лицом ткнул охотника в плечо и поинтересовался, когда ему отдадут долг. Герман пообещал, что “вот на следующей неделе обязательно, кровь из носа”, а потом долго шел, поминутно чертыхаясь и бормоча что-то себе под нос.

На Франца члены клана Ветродувов смотрели, пожалуй, с повышенным любопытством, но агрессии не проявляли – на нем была куртка со знаком дружественного клана. Хотя гостевые визиты и не были в порядке вещей, но все же случалось, что охотники Ветродувов и Бастионовцев заходили друг к другу в гости – новостями обменяться или, миновав территорию дружественного клана, пройти куда-то дальше по своим делам.

Герман свернул на улочку, сплошь заваленную грудями ржавого железа. В искореженном металле с трудом можно было угадать очертания кузовов автомобилей. Крысочка принялся радостно прыгать по кучам железок, залезать в темные проемы, безошибочно угадывая место обитания ревунов.

– Ого! Да тут целое кладбище! – сказал Франц.

– Мы стащили их сюда со всего района, – пояснил Герман, – по большей части все это бесполезный хлам. Ни одной ценной детали.

– Не всем так повезло, как Меганикам и Багажникам, – заметил Франц.

– Угу, – буркнул Герман, размышляя о том, что мальчишка как пить дать может оказаться представителем какого-нибудь из этих кланов.

“Хотя что это я, – рассудил он вдруг, – какой он, к чертям собачьим, лазутчик, хлипкий, как деревянная избушка, мимо пройди – развалится”.

Все машины, находившиеся во время бомбовых ударов на улицах, частично сгорели, а частично развалились под гнетом непогоды и быстро бегущего, беспощадного времени. Уцелели только те, что стояли в подземных гаражах и в Консервационных центрах. Из всех уцелевших заводилась одна на пару сотен, да и то после напряженной работы тех, кто хоть что-то “ощущал” в механике.

– Чем живет ваш клан? – поинтересовался Франц.

– Твои вопросы ставят меня в тупик. Ты ведь – Госпитальер. Или все же нет? Госпитальеры обычно все знают. – Герман выразительно посмотрел на мальчишку.

– Госпитальер, – поспешил заверить его Франц, – конечно, я Госпитальер. Просто у нас имеется специализация. Социополитика, например, – совсем не моя область знаний.

– Социо... чего?

– Ну, социополитика – это изучение кланов, их жизни, общения... – пояснил Франц.

– Дурь какая-то! – Герман смачно сплюнул. – Социо... политика! Придумают же!

– Так чем вы живете? – снова спросил Госпитальер.

– Торгуем с соседями. Парковая зона дает нам мясо. Много мяса. Разводим коз. И грибы тоже... разводим... Ну и Мусорщиков разводим понемногу, как ты успел, наверное, заметить. – Герман усмехнулся и встряхнул мешок с корнеплодами и семенами.

– Про грибы я слышал, – кивнул Франц.

– Весь Франкфурт слышал.

– А как вы их выращиваете?

– Придешь в Убежище – покажу. Только сначала тебе надо поговорить со Старым Кра, если, конечно, он в состоянии будет с тобой разговаривать. Если он вообще будет в состоянии...

– А почему он будет не в состоянии? – удивился Франц.

– Ты же слышал. – Герман пожал плечами. – Пилигрим к нему пришел. Кра любит пообщаться с Пилигримами...

Улица, заставленная остовами старых машин, кончилась, и Герман вывел Франца на небольшую площадь. Франц с интересом рассматривал величественное серое здание. До войны это была старая мэрия. Ее отстроили много веков назад, и она без всяких последствий пережила бомбовый удар, разве что стрелки часов, находящихся на высокой башне, застыли на отметке без пяти четыре. Теперь уже никто не знал – утра или вечера.

Площадь сейчас была полна народу. Люди толпились, разглядывая товары, привезенные Торговцами. Вокруг телег, в которые были запряжены волы, шла оживленная торговля. Женщины примеряли яркую одежду, мужчины крутили в руках холодное и огнестрельное оружие. Торговцы сейчас были редкостью, до Франкфурта редко кто отваживался добираться. Южане не очень-то жаловали Северные области. К тому же великое множество банд и хищных животных делало подобное путешествие сущим безумием. И все же храбрецы еще встречались, тем более что такие рейды, если они, конечно, проходили удачно, всегда были очень выгодны. Приход каравана для Города всегда оказывался крупным событием.

Через площадь охотник и Госпитальер прошли не останавливаясь – пришлось проталкиваться через толпу по пути к зданию мэрии. Охрана, стоявшая у дверей, Германом совсем не заинтересовалась, зато на Франца поглядела с интересом.

– Он не опасен, – сообщил Герман и бесцеремонно толкнул дверь ногой.

Гневу пришлось остаться на улице, среди толпы, что он, как всегда, воспринял без энтузиазма, обиженно заскулил и улегся на землю, положив морду на мощные когтистые лапы. Голос Старого Кра они услышали еще с лестницы. Он что-то оживленно рассказывал, а временами начинал хрипло хохотать. Герман подумал, что, пожалуй, Франц прав и даже голос выдает в главе клана редкостного скупердя.

Старый Кра отвлекся от беседы, поднялся из-за стола и повернулся к посетителям. Франц заметил, что на ногах глава клана стоит не слишком уверенно. Это был пожилой, крепко сбитый человек, чья гладкая лысина, словно яйцо жевалы, отливала синевой. Лицо у Старого Кра было одутловатым, а руки в синих прожилках вен. Говорят, что вот этими самыми руками в пору былой молодости Старый Кра придушил взрослого тигроволка.

Герман перевел взгляд на собеседника главы клана. Незнакомец был несколько моложе Кра, его борода едва успела поседеть. Выражение лица у человека было самое что ни на есть нетрезвое. Смотрел он не на вошедших, а куда-то в глубину матового стакана. На груди у человека висел знак Пилигримов – трехлучевая звезда, заключенная в круг.

– Мое почтение, – поздоровался Франц, приложив руку к груди. Его несколько обескуражило то, что он застал главу клана Ветродувов в столь неподходящий момент.

– Садись, – сказал Кра, посмотрев на Германа несколько недобро, – в ногах правды нет. – Пилигрим обиженно засопел, и Кра поспешно замахал руками, напомним Францу ветряную мельницу, – к тебе это не относится, Дуго! К тебе это не относится!

– Тогда хара-а-ашо, – протянул Дуго, – потому что я уже хотел обидеться!

Он наконец поднял глаза от стакана и посмотрел на посетителей. Герману этот Пилигрим показался большим хитрецом. Несмотря на то что главе клана удалось порядком напоить Пилигрима, охотник готов был поклясться, что рассудок тот сохраняет ясный и только притворяется, будто он навеселе, дабы угодить Старому Кра. Эти Пилигримы – все большие хитрецы. К тому же лучшие воины из всех, кого он когда-либо знал. Что, впрочем, и неудивительно. Пилигримы в одиночку отваживались ходить из Города в Город, через пустоши и леса.

Так что опыта постоять за себя ребятам, разносящим новости, хватало. Как-то раз Герману довелось видеть, как на Большой ежегодной ярмарке Пилигрим сцепился с двумя Меганиками. Бой вышел коротким. Всего за пару минут Пилигрим от них мокрого места не оставил. А потом как ни в чем не бывало отправился дальше, опираясь на свой извечный посох. Нынешний Пилигрим, кстати, очень походил на того, что так легко раскидал Мегаников. Посох Дуго стоял прислоненный к стене. На вид самый обыкновенный, невзрачный металлический посох Пилигрима. Ну разве кто-нибудь может предположить, что стоит появиться опасности – и тут же эта стальная палка превратится в разящий врагов боевой шест?

– Вижу, Мусорщики и на этот раз не завладели твоей головой? – хмыкнул Кра и наполнил стакан до краев мутной жидкостью.

– Понимаю твое сожаление, – усмехнулся Герман. – Но не волнуйся, я схожу к ним еще раз.

Кра хохотнул, оценив шутку, и подтолкнул к Герману стакан с самогоном. Охотник сморщился и покачал головой.

– Мое дело – предложить, – буркнул Кра и опрокинул стакан себе в глотку. Сморщился. Занюхал рукавом своей рубахи. – Принес?

– Да.

– Кажи!

– Не так быстро, – покачал головой Герман. – Сначала договор.

– Герман, мальчик мой! – обиженно всплеснул руками Кра. – Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

– Да, – сказал охотник, – неоднократно. Кра расстроился, выпятил вперед пухлую нижнюю губу, подумал и вновь наполнил свой стакан.

– Вот видишь, Дуго, с какими людьми мне приходится иметь дело? – с горестным вздохом обратился Кра к Пилигриму.

Пилигрим лишь усмехнулся уголком рта.

– Хорошо, чего ты хочешь? – деланно морщась, обратился глава клана к Герману.

– То же, что хотел в прошлый раз. И в позапрошлый. И в позапозапрошлый. И в поза...

– Достаточно! – выкрикнул Старый Кра, ему явно было неприятно слушать обвинения Германа.

– Я лишь хочу, чтобы ты сдержал свое обещание и пустил меня в хранилище Убежища.

– Что тебе там делать? – брюзгливо спросил Кра. Герман промолчал.

– Ладно, черт с тобой! Сейчас выпишу разрешение, – вздохнул Старый Кра. – Но не вздумай ничего брать из стратегических запасов.

– Угу, – подтвердил Герман, внимательно наблюдая, как Кра калякает огрызком карандаша на маленьком обрывке бумаги.

– Знаю я твое “угу”! – вновь забрюзжал Кра. – В прошлый раз четыре упаковки пороховых наконечников взял! Из моих запасов причем! На кой они тебе сдались-то?!

– Чтобы твои задания выполнять и по возможности возвращаться в родной клан целиком, а не по частям, – огрызнулся Герман.

– Умные все стали! Вон бери пример с уважаемого Пилигрима, – продолжал брюзжать Старый Кра. – У него из оружия только посох, и ничего, жив, слава богу. А где он только не бывает...

– Э... не-эт... – театрально погрозил пальцем Дуго и, сунув руку под плащ, извлек на свет большой, отливающий черным пистолет.

Герман завистливо присвистнул. Из такой пушки при должном желании и везении можно даже жевалу убить!

– Как говорил один, ик, из наши-ик пре-эдков! Полковник... или Кольт... не помню уже... он это... он всех... уравниет... вот... уравниет, а потом, значит, всех к стенке... или вроде того. – Пилигрим погрозил всему миру пистолетом и вновь уставился в свой стакан.

“Ну точно, притворяется!” – подумал Герман.

– На тебе твою бумагу! – недовольно произнес Кра. – И давай то, что принес.

Прежде чем передать мешок, Герман внимательно изучил каракули и, видимо удовлетворившись увиденным, одобрительно кивнул и передал мешок Кра. Глава клана осторожно выложил на стол грязные сине-зеленые клубни. Пересчитал. Затем настал черед семян, уложенных в несколько отдельных упаковок.

– Отлично! – потирая руки, вскричал Кра. – Как думаешь, приживутся?

– Откуда мне знать? Я же не садовод, – безразлично пожав плечами, ответил ему Герман.

– Темная ты личность, Герман! И в кого только? Помню, отец твой шибко умным человеком был, природой все интересовался. Этой, как ее, селекцией. А ты... Тебе бы все только по Городу шляться!

– Не шляйся я по Городу, не было бы у тебя этих клубней. – Разговор начал порядком раздражать Германа, на его скулах проступили красные пятна.

– Да на кой хрен мне они сдались?! – зарычал Кра. – Не о себе забочусь! О клане! Если бог даст и они приживутся – забот знать не будем!

– По мне, так и грибов хватит. Сколько я тебе этих клубней зазря перетаскал? Все ведь завяли.

– Тьфу! Пошел с глаз моих долой! – крикнул Кра и опять приложился к стакану.

– Не так быстро. У нас к тебе дело, Кра, – проговорил Герман.

Кра, казалось, только сейчас заметил, что Герман пришел не один.

– Мы рады Бастиону, – разглядывая Франца с недоумением, произнес глава клана.

– Он не из Бастиона. Покажи ему, Франц.

– А?

– Я говорю, покажи ему.

Франц послушно закатал рукав куртки, обнажив татуировку красного креста.

– Госпитальер! – ахнул вскочивший Кра, опрокидывая стул. – Что случилось?! Эпидемия в клане?! Кто заразу принес?! Торговцы?! Эх, говорил же я, не надо пускать этих дармоедов! Хотя и редко бывают, а обязательно чего-нибудь на горбу притащат. Гадость какую-то...

Пилигрим разом “протрезвел” и теперь с возросшим вниманием глазел на странную парочку, пришедшую к Кра.

– Успокойся, Кра! Никакой заразы нет, – сказал Герман.

– Тогда что Госпитальер тут делает?

– Ты можешь просто выслушать?

– Я вас внимательно слушаю. – Кра поднял стул и сел.

– Франц, – скомандовал Герман, – расскажи, что мы видели.

– Ну... хм... – Франц замялся на мгновение, затем начал рассказывать все то, что Герман уже успел услышать на мосту.

Только еще к его рассказу прибавилась история об их приключениях в районе Мусорщиков.

Кра и Пилигрим слушали молча, не перебивая. Когда Франц закончил рассказ, Кра заметно призадумался.

– Так ты герой, оказывается, да? – спросил он у Германа.

– Конечно герой, – мрачно откликнулся охотник, – кто же еще? Черный Принц!¹

¹ Черный Принц – знаменитый герой, участник многих военных конфликтов, правда в основном локальных, в окрестностях Франкфурта Слава его, однако, распространилась по всей Германии. Прозвище Черный Принц стало у Ветродувов

– Совсем Меганики обнаглели в последнее время. – Кра помял мясистый подбородок. – Мало что моих ребят своим Последним Заветом смущают, так теперь еще и людей воруют и заразу подбрасывают. Впрочем, ваша история несколько устарела.

– То есть? – не понял Герман.

– То есть Пилигрим мне все уже рассказал.

Герман и Франц во все глаза уставились на Дуго. Тот кивнул:

– Было нечто подобное в Дюссельдорфе. Там тоже Меганики шалили. Правда, мора не было.

– И что ты намереваешься делать, Кра? – поинтересовался Герман.

– Перво-наперво выгнать тебя из своего жилища к чертовой матери. Давай вали в Убежище, пока я не передумал!

– А как же...

– Я подумаю и решу, что можно сделать.

– Но если по нашему району ударят этим излучением...

– Я же сказал – не твоя это забота. Подумаю, что можно сделать. Или ты хочешь всех под землю загнать? Когда Торговцы к нам раз в три года заглядывают?! Да и потом бутылка еще не кончилась. – Он постучал ногтем по зеленому стеклу.

Герман нахмурился, поднялся из-за стола и сказал:

– Пошли, Франц, Убежище посмотришь...

Вход в Убежище находился на противоположной стороне от мэрии, в небольшом неприметном скверике, буйно заросшем густым подлеском. Маленькое, одноэтажное здание, напоминавшее снаружи трансформаторную будку, – вот и все, что указывало на то, что под землей находится одно из четырех городских Убежищ.

– Никогда не видел Убежища, – сказал Франц, принаравливаясь к быстрому шагу Германа.

– Что же, сегодня увидишь. Историю их создания знаешь?

– Если честно, то не очень.

– Я сам не очень. Только то, что старики рассказывают. Когда началась Последняя война, в Городе было четыре крупных Убежища. Одно у нас, одно в районе Багажников, одно у Мегаников, а четвертое так и не было найдено. В нашем и у Багажников находились по большей части горожане. У Мегаников большие шишки, всякие философы, помешанные на религии, и ученые с военными. Ну и их семьи, естественно. Кто был в четвертом – не знаю. Убежище могло поддерживать жизнь людей в течение нескольких веков. Люди, как говорят, там ни в чем не нуждались. Наши предки пережили войну, а затем и Черные века и, когда опасность осталась позади, вышли на поверхность. Вот и вся история.

– А четвертое Убежище?

– Может, его и не было? Во всяком случае, если оно и существовало, то из него так никто и не вышел. Где оно находится – неизвестно. Вот весело, если эти придурки до сих пор сидят под землей! Кстати, мы пришли.

Возле Убежища находилось два десятка охотников-новобранцев, которых без устали костерил Ворон. Старший охотник клана был мутантом – у него была черная кожа и красные глаза навывкате. Заметив Германа, Ворон на мгновение прервал разнос зеленых щенков, хмуро кивнул и вновь начал орать на вытянувшуюся в струнку молодую поросль. Герман кивнул в ответ и провел Франца ко входу.

– Смотри, здесь ступеньки. Не загреми.

и в некоторых других кланах именем нарицательным. Когда хотят подчеркнуть чей-то героизм, человека называют Черным Принцем (впрочем, иногда в шутку) – Здесь и далее примечание авт.

Черда ступенек, четыре лестничных пролета, настежь распахнутая тонкая металлическая дверь – и они оказались в широком круглом коридоре с высоким потолком, который под углом в сорок пять градусов уходил вниз. В коридоре, едва разгоняя тьму, горели электрические фонари.

– Ого! – крикнул Франц, озираясь. – У вас и электричество есть!

– Четыре из шести генераторов Убежища еще работают. Правда, сейчас включены только два. Видишь, какой тусклый свет?

– Это и есть Убежище?

– Это только преддверие. Коридор тянется под землю на триста метров. Все сам увидишь. Они пошли по полутемному коридору, крысочка бежал впереди.

– Чем это пахнет? – подозрительно спросил Франц.

– Грибами, – нехотя ответил Герман. – Иди по центру, а то подавишь. Кра тебя тогда точно убьет. Или заставит свой самогон пить, что равносильно смерти.

Вдоль стен коридора тянулись искусственно созданные грядки, на которых росли большие белые грибы – гордость клана Ветродувов. Именно их они продавали в другие кланы Города. Говорят, что в подземке таких грибов – до жути, но то – в подземке, попробуй туда сунься. Так что подземелье Убежища было идеальным местом для разведения столь полезного и редкого продукта.

– А много в Убежище людей? – спросил Франц.

– Тут обычно живут только охотники. Человек сорок. Все дежурят на своих постах. Кто-то у подъемника, кто-то у входа, другие занимаются прочими хозяйственными делами.

– А ты?

– А что я? Я и Нидерраде-то редко бываю, предпочитаю бродяжничать, вот с ним. – Герман присел и потрепал Гнева по уху, тот признательно заворчал.

Спустя вечность коридор кончился, стало светлее, здесь лампы горели на полную мощность. Герман с Францем подошли к массивной металлической двери, очень похожей по своему внешнему виду на гигантскую шестеренку, зубцы которой являлись засовами. В высоту дверь была добрых три метра, а в толщину целых полтора – надежная защита от ядерного удара. Сейчас дверь, ранее закрывавшая вход в сердце Убежища, была отодвинута в сторону. Сразу за дверью находился мощный пулемет, наведенный на длинный коридор, из которого только что пришли Герман и Франц. Могучее черное, чудовище располагалось на массивной треноге, болтами прикрученной к полу. Длинный ствол, тяжелый ящик, в котором хранились патроны.

– Ого! – произнес Франц, с уважением и некоторой опаской разглядывая оружие.

– Вот тебе и ого! Это тебе, брат, не какая-то пукалка. Это почти скорострельная пушка. Если кто к нам сунется, враз уши отстрелим!

– Только что-то пулеметчика не вижу...

– Раздолбай, – буркнул Герман. – Небось опять дрыхнут. За дверью начинался чистый светлый коридор.

– Умели же наши предки строить, а? – восхищенно спросил Франц, рассматривая колоссальное подземное сооружение.

– Умели. И воевать умели. До сих пор расхлебываем. Кстати, таких дверей – три, – пояснил Герман. – Через каждые пятнадцать метров. Затем коридор заканчивается и начинается само Убежище. Это нулевой ярус. Здесь ничего нет, только пост охраны, помещения, где нейтрализовали радиацию, и карантинный блок. Есть лестница. Лифт давно не работает. Вместо него сделали подъемник. Первый, второй и третий ярус – жилые. Четвертый – вспомогательные помещения. Пятый – склады. Шестой и седьмой – технические помещения. Там генераторы, система жизнеобеспечения и прочая фигня. Нам нужен седьмой. Кра устроил там отдельное хранилище. Особое.

– Так что, оно семь этажей в глубину? – не поверил словам Германа Франц.

– Да. И ширины немислимой. Впрочем, идем, сам все увидишь.

У подъемника дежурил знакомый Германа по имени Фриц. Впрочем, нельзя сказать, что это сильно обрадовало Германа, скорее – наоборот. Фриц с неудовольствием оторвался от шахматной доски и поднялся на ноги. Парень отличался угрюмым нравом, в числе его главных интересов были шахматы и отборная ругань со всеми посетителями Убежища. К своей работе он относился очень ответственно. Порой даже слишком.

– Кра сказал тебя вниз не пускать! – сразу же заявил он. – Даже не надейся меня уговорить!

– Брось ты, Фриц, – дружелюбно заметил Герман, – злишься из-за прерванной шахматной партии?

Он извлек из кармана листок бумаги с каракулями Старого Кра:

– Вот, Старый Кра настаивал, чтобы я немедленно посетил Убежище и пополнил свой арсенал.

– Так уж и настаивал, – с подозрением заметил Фриц. – А это кто такой? Вижу впервые...

– Протеже главы клана Бастиона, – соврал Герман. – Старый Кра хочет, чтобы парень научил его гнать такой же самогон, как у них в клане.

Покрутив в пальцах бумажку, Фриц понял, что деваться ему некуда, и с неохотой полез за ключами. Ключ щелкнул в замке, охранник распахнул решетчатую дверь, пропуская посетителей внутрь, а сам встал у них за спинами.

– Вставай на подъемник, – скомандовал Герман Францу.

Подъемник представлял собой небольшую платформу, сколоченную из хорошо подогнанных друг к другу досок, – два на два метра. По бокам к платформе были приделаны деревянные перила, а в центре крепился тонкий трос.

– А она, точнее, он... выдержит? – с дрожью в голосе поинтересовался Франц.

– Конечно выдержит, – беспечно ответил Герман. – Раньше тут лифтовая кабина была, но она совсем развалилась, так что сделали такую вот платформу. А трос крепкий, не бойся.

Подавая пример, он первым встал на подъемник. Крысочот подбежал и лег ему в ноги.

– Может, проще по лестнице? – Госпитальер все еще сомневался в правильности Германова решения.

– Я не собираюсь топтать семь этажей, когда под боком есть надежный подъемник. Смелее, – сказал Герман, – а то мы без тебя поедem. Там есть на что посмотреть.

Франц с сомнением покачал головой, но все же ступил на дощатую платформу.

– Вот и отлично. Пока, Фриц. – Охотник нажал серую кнопку на массивной коробке, приделанной к перилам. Послышалось жужжание, и подъемник медленно пополз вниз.

Ехали они в полной тишине, Франц боялся даже пошевелиться, не то что рот раскрыть. Пол на мгновение скрылся из поля зрения, потом оказался вверху, и перед взором Госпитальера открылось обширное помещение.

– Первый ярус, – сообщил Герман.

Здесь светильников было гораздо меньше, чем на нулевом ярусе, две или три лампы мерцали вдалеке, их желтоватое свечение лежало на коробках и ящиках, которыми здесь было завалено буквально все. Вдаль уходили коридоры с большим количеством дверей, цифры на них сохранили матовый блеск.

Подъемник достиг пола и остановился.

– Тут всякий хлам и жилые помещения, – сказал Герман, – нам они ни к чему, следующая остановка – седьмой ярус, – он снова нажал кнопку. – Да уж, захламил Старый Кра помещения, нечего сказать, – покачал головой Герман. – Откуда только берет всякое барахло?

– Самогонный аппарат тоже тут хранится? – насмешливо поинтересовался Франц.

– Ну что ты, – благодушно ответил Герман, – станет он засовывать в хранилище свою любимую игрушку. Аппарат у него всегда в работе.

Франц рассмеялся. Они проплыли мимо переборки между этажами, и он увидел второй ярус. Затем третий, четвертый, не слишком отличавшиеся друг от друга. Затем пятый – возвышающиеся до самого потолка стеллажи, покуда хватало глаз заваленные всяким барахлом. Шестой ярус – едва освещенный, темный и пустой. Где-то вдалеке грохотали генераторы. И, наконец, седьмой ярус, куда так стремился попасть Герман. Здесь света было намного больше – в лучах десятка неярких ламп можно было разглядеть закрытую дверь, ведущую куда-то в глубь обширного помещения.

– Что здесь? – спросил Франц.

– Система жизнеобеспечения убежища. Ну и хомячий стратегический склад Кра Все самое ценное он сюда перетащил. Шахта подъемника здесь завершилась.

– Вот тут много всего интересного. – Охотник потер руки.

Лампы вдруг замигали, по стенам запрыгали длинные тени, Франц испуганно вскрикнул, подъемник задрожал, дернулся и замер на высоте пяти метров над “землей”, едва успев преодолеть шестой уровень. Потом послышался отчетливый треск, и лампы погасли, вокруг воцарился густой мрак, какой бывает только глубоко под землей. Франц испытал чувство, похожее на священный ужас.

– Что случилось? – сдавленно пробормотал он.

– Не видишь, что ли, – раздраженно бросил Герман, – электричество вырубилось. Генераторы ни к черту не годятся! Бывает. Скоро исправят. Эй! – громко крикнул он, но ответом ему была тишина. – Эй, Фриц, черт тебя дери! Ты где там?!

Крысочот слабо заскулил в темноте, нагнав на Франца еще большую тоску и страх.

– А наверху у них свет есть, – пробормотал Госпитальер, задрал голову.

Действительно, где-то на уровне второго-первого яруса сиял светлый прямоугольник.

– Ничего удивительного. Отрубился один генератор. Верхний ярус освещен.

– Чего-то Фриц не отвечает...

– Странно, обычно он всегда на посту. Ну что же, придется выбираться самим, – заметил Герман.

– Но как?! – выкрикнул Госпитальер.

– Нечего так кричать, сейчас что-нибудь придумаем. – Герман полез в карман за зажигалкой... – Так, – рассуждал он вслух, – вниз мы спуститься не сможем – слишком глубоко, а веревки у нас нет...

– Слишком высоко... – эхом отозвался Франц, в голосе его прозвучала обреченность.

– Значит, мы поднимемся на шестой ярус, – заключил Герман и щелкнул зажигалкой.

Огонек осветил лицо Госпитальера – дрожащие губы и широко распахнутые серые глаза.

– Ну и личико у тебя! – заметил охотник. – А ты что, все же предлагаешь спрыгнуть вниз?

– Я ничего не предлагаю, – вздохнул Франц. Герман погасил зажигалку.

– Тогда действуем в соответствии с моим планом. Гнев пока посидит тут. Подождет, пока мы сможем вернуться за ним.

– Я, пожалуй, тоже подожду, – дрожащим голосом проговорил Франц, – может... может быть, Фриц сейчас вернется, услышит нас и тогда нам не придется лезть по этому тонкому шнуру.

– Не знаю, не знаю, – ответил Герман. Наверху вдруг что-то грохнуло, потом послышались щелчки, словно что-то колотило и скребло по металлу.

– Что это такое? – проговорил Франц.

– Похоже на выстрелы, – недоуменно заметил Герман. Платформа подъемника вздрогнула, трос дернул ее вверх. Кто-то там наверху забавлялся их жизнями.

– Вот черт, – выругался Франц, вытирая со лба пот, – какого дьявола там происходит?

Где-то вверху с громким хлопком лопнул трос, и платформа стремительно полетела вниз. Франц заорал от ужаса и впился в плечо Германа мертвой хваткой. Через мгновение они

врезались в жесткий пол седьмого яруса. Доски спружинили, ломаясь о резиновое основание – защиту шахты, и все равно удар был страшным. Франца отшвырнуло в сторону, он покатился по полу и затих, чувствуя, как разливается боль в левой ноге. Крысочка визжал на одной ноте... Сверху из шахты подъемника доносился подозрительный шум. Госпитальер застонал, сглотнул слюну и пополз в кромешной темноте к Герману. Тот лежал без движения и был, должно быть, оглушен. Франц ухватил охотника за воротник и потащил в темноте к дальней стене... Крысочка, продолжая скулить, направился следом.

Франц успел как раз вовремя. Наверху кто-то пронзительно закричал, послышался хлопок, потом странный шум и звук ударов чего-то о стенки шахты, затем на обломки платформы что-то рухнуло, гулко шлепнувшись в жесткую резину.

Франц замер в темноте, опасаясь даже пошевелиться. Прошла минута, он пошарил в карманах Германа и вытащил зажигалку. Чиркнув кремнем, Франц вскрикнул и тут же погасил огонь: среди досок на полу седьмого яруса лежало тело Фрица...

Глава четвертая

*ПУСТЬ СУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ ЛЮДЬМИ,
ГОВОРЯТ:*

Блаженны дети Его, ибо только их помыслы и надежды помогут возродить былое величие людей. Блаженны проповедники Его, ибо только их уста поддерживают людей и поселяют в их сердцах уверенность в завтрашнем дне. Блаженны тени, идущие рука об руку с людьми, ибо и они тоже дети Его.

ВНЕМЛИТЕ ГЛАСУ ЧИСТОГО РАЗУМА:

Блаженны дети Его, ибо только их плоть и кровь спасут мир от скверны и тени. Блаженны проповедники Его, ибо только их уста сожгут тени теней и поселят в сердцах их священный ужас. Блаженны тени, узревшие свою черную суть и отказавшиеся от продолжения рода своего, ибо примет Он их в свои объятия и окружит блаженством и святостью.

***Последний Завет Книга Нового мира. Послание заново рожденным.
Ст. 27***

Герман открыл глаза и застонал. Все тело болело так, будто пару часов его нещадно били. Причем, судя по тяжелой ломоте в ребрах и тому, какой тяжестью отзывался ушибленный затылок, стараться эти мерзавцы должны были от всей души. Герман пошевелил пальцами, потом приподнял налитую свинцовой тяжестью голову, попробовал сесть. Не без труда, но ему это удалось. Слава всем богам, вроде бы ничего не сломано...

– Франц, – хрипло проговорил Герман, тщетно вглядываясь в густую темноту.

– Да? – откликнулся Госпитальер.

– Ты живой?

– У меня ни царапины.

– А где Гнев?

– Тут... Вроде бы тоже не пострадал... Погоди, я сейчас.

Чиркнул кремьень, и занялся огонек зажигалки Германа. В ее тусклом свете показалось испуганное лицо Франца, даже в таком скудном освещении бросалось в глаза, какой бледный У него вид. Крысочот лежал рядом и тихонько скулил – должно быть, отшиб себе что-то при падении. Но если Госпитальер сказал, что он в порядке, значит, за жизнь зверюги можно не опасаться.

– Погаси, – попросил Герман, – бензина осталось всего ничего. Долго я провалялся?

– Не больше минуты.

– Да?! – удивился охотник: ему показалось, что с тех пор, как платформа подъемника упала в шахту, прошла целая вечность.

– Почему мы упали? – спросил Франц. – Трос не выдержал?

– Да какой трос! Фриц, мать его душу! – взорвался Герман. – Он, кажется, просто сбросил платформу. Там наверху у него есть такая штука... а, дьявол! Как же башка трещит! У него есть рычаг аварийного сброса. Это еще лет сто назад придумали. Не знаю зачем... Наверное, для того, чтобы хороших людей сбрасывать вниз почем зря. Если я доберусь до этого шахматиста, шею ему сверну...

– До него уже кто-то другой добрался. – Франц шумно выдохнул: воспоминания о недавно увиденном приводили его в самое мрачное состояние духа. – Его застрелили и в шахту скинули...

– Похоже, ты тоже сильно головой приложился. А ну-ка дай сюда свет!

Госпитальер молча передал Герману зажигалку. Охотник откинул крышку, провернул колесико... и уставился на изломанное падением тело Фрица, лежавшее в обломках платформы подъемника. Герман выругался и погасил огонь.

– Что за черт?! Да ему мозги вышибли!

– А я о чем? – Франц снова вздохнул. – Что же нам теперь делать?

– Разберемся, – ответил Герман.

Он прислушался. Кроме едва различимого шума генератора на шестом ярусе – никаких звуков. Ни криков, ни стрельбы, ни звука осторожных шагов тех, кто мог прийти за ними...

Герман давно заключил для себя, что тишина всегда лжет, поэтому он решил воспользоваться запретным, расслабился и запустил в работу невидимый прибор, располагавшийся внутри его головы. Для начала охотник принялся сканировать пространство седьмого яруса. После нескольких секунд напряженного “всматривания” в темноту, блуждания мысленного щупа по коридорам и комнатам он понял, что седьмой ярус пуст. Тогда Герман вернулся на исходную позицию, потянулся вверх и стал продвигаться по помещениям, расположенным над их головами. Шестой ярус он проходил очень медленно, миллиметр за миллиметром, сканируя частоту за частотой, чтобы не упустить никого, кто мог там оказаться... Герман вдруг отчетливо услышал, как бьется чье-то сердце, он скользнул в ту сторону, откуда доносился звук, и зафиксировался. Несомненно это человек. Кто-то из охотников затаился на шестом... Затем “внутренний взгляд” его устремился выше, на пятый, на четвертый, третий, второй и первый ярусы. Здесь охотников не было, несколько людей бежали вверх по лестнице, судя по их стремительному передвижению, настроены они были весьма решительно. На нулевом ярусе людей было много, причем из своих ощущений Герман заключил, что они заняты погрузкой чего-то большого, во всяком случае, все они занимались тяжелой работой – сердца их бились в учащенном ритме, а от физического тела исходили отчетливые волны жесткого напряжения.

Охотник отбросил запретное и поморщился – головная боль, затихшая утром, вновь вернулась.

– Пока я был в отключке, стреляли? – спросил Герман.

– Нет... Что ты делаешь? – Франц услышал, как охотник поднялся на ноги.

– Нам надо наверх – посмотреть, что там стряслось. Или ты предпочитаешь сидеть и ждать, когда убийцы Фрица спустятся сюда сами?

– Нет, ты прав, конечно, прав, но как мы пойдем без света? Ты же сказал, что бензин почти кончился...

– Увидишь! – откликнулся Герман.

Послышался скрип, затем что-то щелкнуло, и коридор залило бледно-зеленым светом; фигура охотника выступила из мрака, и Франц увидел на серой стене небольшой железный шкафчик с распахнутой дверцей. В руках Герман держал тонкую светящуюся трубку.

– Химический источник света? Из довоенных запасов? – догадался Франц.

– Наверное, когда-то эта штука так и называлась. Я называю ее просто – химфонарь. Они есть в таких шкафах на каждом этаже. Генераторы время от времени отказывают, – пояснил Герман, – ну и тогда приходится доставать фонарики и шариться с ними в темноте. Ощущение не из приятных.

– Но сейчас дело не в генераторах, так? Что произошло на самом деле?

– Откуда мне знать? – буркнул Герман и бросил Францу трубку незажженного химического фонаря. – На вот. Надломи, потряси, и пошли. Гнев, за мной!

Крысочот, прихрамывая, поплелся за людьми.

– Ты уверен, что с ним все в порядке? – спросил Герман.

– Да, кости целы, чтобы сказать наверняка, нужно внимательно осмотреть его на свету, но пока мне кажется, что это просто ушиб.

– Ясно. – Герман кивнул, наклонился и потрепал крысочку по голове. – Потерпи, дружище. Видишь, Госпитальер говорит, что с тобой все в порядке. Значит – выкарабкаешься.

– А куда мы, собственно, идем? – Франц усиленно тряс свой химфонарь, стараясь добиться от него яркого света. На серых стенах и бетонном полу прыгали длинные тени.

– К лестнице вверх! – ответил Герман. – И прекращай фонарем болтать – ярче не загорится.

Франц смущенно замер, сжав фонарь в вытянутой руке на уровне груди. Глядя на него, Герман подумал, что в чем-то Госпитальер – совершеннейший ребенок, а все его попытки провести собственное расследование происходящего в Городе – абсолютное ребячество. Хотя... кто из нас, едва выйдя из детского возраста, не мечтал спасти мир?

– Постарайся поменьше разговаривать, – сказал Герман, – и не лезь вперед – неизвестно, на кого мы можем напороться.

Герман закрепил фонарь на поясе и проверил, заряжен ли арбалет.

– Двинулись! – скомандовал он и решительно направился сквозь сумрак седьмого яруса.

Охотник шагал быстро, почти бежал, так что Франц едва поспевал за ним. Гнев плелся сзади, но каким-то чудом умудрялся не отставать. По правую и левую сторону мелькали запертые двери, металлические шкафы, серая оплетка проводов под высоким потолком, темные лампы в металлической сетке, коридор петлял, разветвлялся и казался бесконечным. Ядовитый зеленый свет, исходящий фонарями, раздражал глаза и превращал пустынные помещения Убежища в логово неведомого чудовища. Стены выныривали из мрака неожиданно.

“Как он умудряется не наткнуться на них, ведь несется с такой скоростью?” – думал Франц.

Слева оказался темный провал, Госпитальер различил очертания перил и резкие грани металлических ступеней.

– Мы проскочили лестницу! – крикнул Франц.

– Знаю! Нам надо кое-куда забежать, – откликнулся Герман.

Он свернул в поперечный коридор и резко толкнул покрашенную в зеленый цвет дверь. Они прошли через обширную комнату, всю переплетенную темными трубами. Трубы вырастали из стены, проходили под потолком, переплетались между собой, причудливо извивались и исчезали в противоположенной стене. Еще одна дверь. И снова трубы. Затем еще одна... На сей раз с навесным тяжелым замком.

– Так я и “видел”, охранника нет, – пробормотал Герман. – В сторону, Франц! И Гнева возьми с собой!

Госпитальер ухватил крысочку за ошейник и поспешно оттащил в сторону. Удивительно, но Гнев, обычно не терпевший бесперемонного обращения от чужаков, сносил панибратство Франца довольно спокойно, даже благожелательно. Герман поменял “пенал” обоймы в арбалете. Отошел подальше от двери, несколько долгих секунд целился – в скудном освещении прищуренный правый глаз его свирепо поблескивал, – затем нажал на спусковой крючок. Пороховой болт разорвался с оглушительным хлопком. Двумя сильными ударами приклада Герман сбил поврежденный замок и распахнул дверь.

Комната оказалась совсем маленькой, под завязку заставленной длинными темно-зелеными ящиками, у правой стены высились громады металлических шкафов.

– Зачем мы сюда пришли? – поинтересовался Франц, оглядывая комнату.

– Тут много всего смертельно опасного. Или ты зубами собираешься воевать? – Герман сбил крышку ближайшего ящика.

– Я вообще не собираюсь воевать. – Франц побледнел еще больше. – Я же Госпитальер. Ты забыл?

– Зря. – Герман сердито посмотрел на Франца. – И не говори мне, что Госпитальеры не умеют воевать. Лучше подбери себе оружие, если хочешь жить. Оно в тех шкафах, у правой стены.

– А тебе оружие не нужно?

– Я привык к арбалету. Дьявол! Куда этот лысый пьяница запрятал пороховые болты?! – Герман принялся открывать ящик за ящиком.

Франц пожал плечами и подошел к указанным Германом шкафам. Потянул дверцы первого попавшегося. Они скрипнули, но не открылись. Госпитальер дернул сильнее, тот же результат.

– Не открывается, – проговорил он. Герман в два шага оказался возле шкафа, рванул дверцы на себя, и они тут же поддались.

– Ух! – Франц замер в изумлении. В шкафу висели, вставленные в специальные крепежи, четыре короткоствольных автомата. Все оружие выглядело как новое – оно отливало черным, а когда Франц коснулся ствола одного из автоматов и поднес палец к глазам, то увидел черный масляный след.

– Все, что смогли найти в Городе, – проговорил Герман. Он уже вскрывал новые ящики, продолжив поиск пороховых болтов. – Тут за ними хороший уход, поэтому все в рабочем состоянии.

– Почему же вы пользуетесь арбалетами и луками, когда у вас тут такое?

– Потому что это оружие на чрезвычайный случай. Его здесь всего единиц двадцать. На всех не хватит. Арбалет ничем не хуже, а стреляет бесшумно. В нашем деле главное – обходиться без шороха... Ну, слава богу, вот они! – Герман вытащил из ящика арбалетный болт и принялся внимательно изучать его в скудном освещении химфонарей.

– А что я могу взять? – поинтересовался Франц. Дверцы следующего шкафа он дернул резко, наученный опытом с первым, поэтому распахнулись они полностью, а одна из створок ударила в стену.

– Осторожнее там, – проворчал Герман, – то не можешь открыть, то рвешь изо всех сил. Что с тобой такое?

Франц пожал плечами и принялся придирчиво изучать хищные очертания карабинов.

– Так что я могу взять? – повторил он.

– Чем умеешь лучше пользоваться, то и бери, – откликнулся Герман.

– Однажды я держал в руках гранатомет, мне показывали, как с ним обращаться.

– Здесь таких сокровищ нет. Бери любой автомат. Лучше вот этот, он легче, – Герман ткнул в короткоствольный компактный автомат с узким, изогнутым рожком, на черном корпусе которого выделялись буквы из далекого прошлого “Н and K”, – стоящая вещь, скорострельность у него отличная. Ну что, подходит?

– Да! – Франц кивнул и потянул автомат на себя. Тот легко выскользнул из креплений и оказался в руках Госпитальера. Сжимать в руках такое оружие было несколько непривычно. Франц вдруг почувствовал себя неловко и подумал, что убивать людей все равно не сможет. Сколько лет в голову ему вдалбливали идеалы Госпитальеров – не навреди, не сделай плохо человеку, помогай страждущим, больным, лечи, спасай человеческие жизни, и вот теперь, усвоив эти простые истины, он сжимает в руках автомат и, кажется, собирается пролить кровь, чтобы спастись самому.

– Если что случится – прикроешь меня. – Охотник внимательно посмотрел на мальчишку.

– Я... я не знаю. – Франц покачал головой. – Боюсь, что я не смогу.

– Не дури! – рявкнул Герман. Противорадиационные таблетки рассыпались по полу, он выругался, прыгнул к Госпитальеру и ткнул его кулаком в грудь. – Надевай ремень!

– Я... Я просто...

– Надевай ремень! – взревел Герман, сам перекинул его через шею Франца и ухватил его за воротник. – У нас времени нет на всякую ерунду! На стойке, где стояло оружие, номер имеется. Теперь ищи ящик с такими же цифрами. Там боеприпасы для этой штуки. Справишься?

– Да! – поспешно кивнул Франц.

– Возьми мой мешок, бросай все туда! А черт, ничего не могу найти! – Герман распахнул несколько ящиков и принялся ожесточенно в них копать.

Франц довольно быстро отыскал ящик с патронами для автомата – по номеру сделать это было намного проще, чем искать наугад, он откинул крышку, взял три новых магазина к автомату, потом подумал и бросил в мешок две полные коробки с патронами. Тяжеловато, но запас не повредит. Ему-то, может, из автомата стрелять и не придется, а вот Герману с его несчастным арбалетом такая игрушка может впоследствии пригодиться.

– Ага! Нашел все-таки? – пропыхтел Герман. – Зарядить сможешь?

– Попробую. – Франц щелкнул затвором, поставил оружие на предохранитель и замер, не зная, что делать дальше.

Герман, между тем, притащил несколько “пеналов” с арбалетными болтами и вывалил их в мешок.

– Тащить будешь ты, – сообщил он Францу и вновь метнулся к ящикам.

Франц покосился на огромный мешок и решил вытащить одну коробку с патронами. А то, чего доброго, не поднимешь все это добро.

– Ты точно уверен, что арбалет – это то, что тебе нужно? – поинтересовался Госпитальер.

– Да!

– Может, возьмешь хотя бы пистолет? – Франц поднял с пола длинноствольный маузер, который Герман выбросил из какого-то ящика.

– Обойдусь арбалетом. Все! Идем!

Франц перебросил ляжку мешка через плечо.

– Зарядил? – спросил Герман.

– Я... тут вот немного запутался...

– Понятно. – Охотник сунул руку в мешок, вытащил рожок и вставил его в автомат – вся операция заняла не больше одного мгновения. – Смотри, ногу себе не прострели, вояка!

Франц не успел ничего ответить, потому что Герман напоследок приподнял крышку одного из ящиков в надежде обнаружить еще что-нибудь интересное и заорал так, словно ему в ногу вогнали нож по самую рукоятку и несколько раз провернули. Госпитальер даже вздрогнул от неожиданности.

Герман выхватил из ящика какую-то металлическую коробку.

– Чтоб мои кости жевала грызла! Смотри! Ну лысый лис! Ну Старый Кра! Ну сучий потрох! Ты видел, что у этого жлоба имеется?!

Франц подошел ближе, чтобы рассмотреть предмет, приведший Германа в совершеннейший восторг. В руке охотник сжимал длинный пузатый цилиндр сантиметров пятнадцати в длину. С одной стороны цилиндра выделялись три красные полоски. Он чем-то напомнил Госпитальеру контейнеры с красным тифом, которые Герман выбросил в реку, и паренек тяжело вздохнул. Порой непонимание между ним и охотником было таким, что Францу начинало казаться, будто они родились на разных планетах. Взял, да и выбросил контейнеры с красным тифом, а теперь радуется, отыскав контейнер с каким-то другим смертоносным вирусом.

– И что это за вирус? – уныло спросил он.

– Какой, к черту, вирус? Это же топийные² гранаты! – Герман потряс ими. – Ну нет! Такое сокровище я здесь не оставляю!

² Топий – вещество, разработанное еще перед Последней войной обладает мощнейшей разрушительной силой. Гранаты оснащаются всего несколькими граммами топия.

“Пенал” с бесценным зарядом лег в мешок, находившийся за спиной у Франца.

– А вот теперь идем, и идем быстро! Гнев, за мной!

До лестницы они добились бегом. Здесь Герман жестом приказал Францу остановиться и снова “включил” сканирование. Так и есть – неизвестный все еще был на шестом ярусе. Они поднялись наверх и без особого труда обнаружили человека. Сейчас он стоял возле электроцита и ожесточенно копался в его внутренностях. Наверное, после того как свет вырубился, счел, что поломка вызвана его недосмотром, и теперь ожесточенно боролся с древней техникой, стараясь починить энергосистему... Пространство вокруг техника освещалось еще одним химфонарем, в руках у него были отвертка и гаечный ключ.

– Деррик, – позвал Герман, когда они оказались у него за спиной.

Деррик подпрыгнул и стремительно обернулся.

– Черт! – сказал он. – Перепугали меня до смерти! Тут он заметил автомат на груди Франца.

– И это что означает? – поинтересовался он.

– Хотел бы и я это знать, – откликнулся Герман. – Пока мне известно только, что кто-то вырубил электричество, сбросил платформу подъемника, когда мы спускались вниз, и убил Фрица.

– Фриц убит?! – На лице Деррика отразилось крайнее изумление. – То-то я думаю, что там все время щелкает... А это выстрелы... Да? Выстрелы?

– Дожили! – заметил Герман. – Уже выстрел не можешь отличить от щелканья. А все потому, что постоянно тут торчишь...

– Фриц убит, – повторил Деррик, словно все еще не мог поверить в эту новость, он покачал головой, потом вдруг вскинулся: – И что вы собираетесь делать?

– Узнать, что там наверху происходит. Ты с нами или как?

– Конечно, конечно, я с вами, – засуетился Деррик. – Вот черт! – Он швырнул гаечный ключ в темноту и схватил химический фонарь. – У меня, правда, нет никакого оружия! – Покрутив в пальцах отвертку, Деррик сунул ее в карман.

– Вот, возьмите мой автомат. – Франц поспешно перекинул лямку через шею и собрался вручить автомат Деррику, но Герман так посмотрел на Госпитальера, что Франц подумал, что лучше бы ему сквозь землю провалиться.

– Пусть автомат останется у парня, – сказал охотник, – а ты, Деррик, спустись на склад и возьми себе что-нибудь. Мы будем ждать тебя на лестнице.

– Хорошо. – Техник кивнул и, держа химфонарь в вытянутой руке, стремительно двинулся к ступеням, ведущим вниз.

Крысочек вдруг сорвался с места и вцепился зубами в голень техника, проявляя хорошо известный большинству Ветродувов необузданный нрав. Деррик заорал благим матом:

– Убери, убери его от меня! А-а-а!

– Гнев! – рявкнул Герман, схватил вырывающегося, брызжущего слюной крысочка за ошейник и оттащил от Деррика. Деррик проворно отскочил подальше от взбесившегося зверя:

– Мать вашу! Он мне ногу прокусил! Эта тварь мне ногу прокусила! – Техник проковылял к лестнице и прокричал: – Можете меня не ждать! Идите без меня, черт вас подери!

Герман бросил на Гнева сердитый взгляд. Крысочек продолжал порываться, несмотря на то что техник скрылся из виду.

– Пошли, – скомандовал Герман и с недоумением добавил: – Черт его знает, что моей зверюге сегодня в голову втемяшилось.

Чтобы подняться на нулевой уровень, им потребовалось не больше пяти минут. Опираясь на перила, Герман прыгал через несколько ступеней, а нагруженный под завязку Франц тяжело пыхтел позади. Мешок казался ему невероятно тяжелым. Перед переходом с яруса

на ярус им приходилось останавливаться и открывать тяжелые сейфовые двери. Напрягая крепкие мускулы, охотник крутил колесо – задвижку замка. Между третьим и вторым этажами они едва не застряли. Несмотря на то что за исправностью замков тщательно следили, старый механизм дал сбой, и сколько Герман ни старался провернуть колесо, оно не поддавалось, словно срослось с проклятой дверью. Налегли вместе – и только тогда, издав ужасающий скрежет, замок шелкнул, колесо провернулось, и дверь удалось открыть.

– И вот так тут все время. – Герман стер со лба пот.

На лестнице второго яруса Госпитальер уже дышал, словно загнанный зверь. Герман же словно и вовсе не устал. Открывание заклинившего замка было для него легкой разминкой. На втором ярусе горел свет. Этот сектор Убежища считался жилым, но сейчас никого видно не было. Впрочем, Германа это не удивило – сканирование никогда его не подводило.

Первый ярус ничем не отличался от второго – та же тишина, длинные ряды запертых дверей, и ни души...

Нулевой уровень. Они выбрались с лестницы. В помещении, где раньше находился подъемник, все было забрызгано кровью несчастного Фрица. Повсюду валялись разбросанные шахматные фигуры. Под ногой Германа что-то хрустнуло, он отступил назад и увидел, что это белая ладья – вся в темных пятнах крови.

Сейчас здесь находились три охотника Ветродувов. Впрочем, только один из них был в состоянии двигаться.

Франц подумал, что одного из охотников он точно знает, и зовут его, кажется, Гюнтер. Приятель Германа сидел, привалившись к стене, а из раны на груди у него сочилась кровь, уже успевшая пропитать рубашку.

“Значит, он так и не успел сменить Фридриха”, – подумал Франц и вспомнил, как весело он общался с тощим парнем всего пару часов назад. Теперь в лице Гюнтера не было ни кровинки.

Герман присел рядом с приятелем и коснулся его руки. Гюнтер с трудом разлепил тяжелые веки и посмотрел на охотника. Губы его тронуло слабое подобие улыбки, он попытался что-то сказать, но из приоткрытых губ донесся только неразличимый шепот. Он вдруг закашлялся, и кровь из раны на груди потекла намного интенсивнее. Второй охотник, – Герман вспомнил, что его зовут Ральф, – кинулся к раненому, прижал к его груди кусок какой-то мятой тряпки, пытаясь остановить кровь.

– Стерильная, – пояснил он, глядя на Германа, лицо которого в этот момент было мрачнее некуда.

Он отвернулся, не желая смотреть, как мучается Гюнтер.

У дальней стены, привалившись к ней и глядя в пустоту остекленевшими глазами, сидел еще один член клана Ветродувов. В шее у него застрял арбалетный болт, в ногах, в луже крови, лежал пистолет.

– Какого черта тут произошло?! – выкрикнул Герман. – Кто стрелял?!

– Дела плохи! На нас напали Меганики! – Ральф на мгновение оторвался от раненого.

– Что?! Меганики напали на клан Ветродувов?! – Франц положил мешок на пол.

– Да Меганики. Я почти ничего не знаю. Остался тут, чтобы помочь Гюнтеру. – Герман заметил, что между сжимавших тряпку пальцев потекла кровь. – Все, кто был в Убежище, кинулись на улицу. Пока они сдерживают напор.

– Меганики что, с ума сошли? – пробормотал Франц. – Почему они напали?

– Я ничего не знаю. А, дьявол! Сколько крови!

Гюнтер опять закашлялся, кровь стала выплескиваться из раны.

– Франц! – заорал Герман. – Да не стой столбом! Ты ведь Госпитальер! Он же кровью сейчас истечет!

Мальчишка бросился к раненому:

– Я справлюсь! Надо только кровь остановить! Аптечка! Здесь есть аптечка?!

– Кажется, есть. – Ральф кинулся к столу, за которым еще недавно сидел Фриц и играл в шахматы, рванул на себя ящик, потом другой, третий... Перерыв все содержимое стола, выбрасывая всякое барахло из ящиков прямо на залитый кровью пол, охотник наконец наткнулся на аптечку и швырнул ее Госпитальеру.

Герман некоторое время наблюдал, как Франц поспешно открывает аптечку и роется в ее содержимом, потом он перевел взгляд на мертвого охотника и внезапно ухватил Ральфа за плечо:

– Рассказывай, что здесь произошло, если Меганики там?! – сказал он.

– Этот! – выплюнул охотник, покосившись на мертвого клановца. – Он из тех, кто помогает этим проклятым киборгам. Это он пристрелил Фрица и стоял у пульта, чтобы никто не смог заблокировать двери. Мы его порешили. А его помощник еще где-то в Убежище. Это он вырубил электричество, когда все началось...

– Деррик! – выдохнул Герман. – Он сейчас на складе с оружием. Франц! – решение пришло к нему мгновенно. – Позаботься о Гюнтере!

– А ты? – Франц оторвался от аптечки и распахнул серые глаза, уставившись на Германа.

– А мы идем за Дерриком. Боюсь, он много всего может натворить. А я – то, дурак, его на склад послал!

– Неизвестно, что он оттуда уже взял, – пробормотал Ральф.

– Ты прав. Если он выведет из строя все генераторы или систему вентиляции, то мы долго не продержимся.

– Как мы только ловить его будем? – Ральф покачал головой. – Убежище-то вон какое здоровое... А если он к тому же хорошо вооружен...

– Мне нужно пять минут, – проговорил Герман и отошел в сторону, к самому подъемнику.

– Что это с ним? – Ральф покосился на Франца.

– Не знаю. – Госпитальер набирал в шприц прозрачный раствор – обезболивающее. – Иногда с ним что-то такое происходит – он как будто уходит в себя на какое-то время... Но всегда возвращается.

– Понятно, – хмыкнул Ральф, – не зря все считают, что он псих... Только вот не вовремя у него очередной припадок случился.

Он внимательно посмотрел на Германа, который стоял, повернувшись к стене и опершись на нее ладонями, в абсолютной тишине.

Охотник запустил сканирование Убежища. Ментальный щуп его потянулся сразу к последнему ярусу, но Деррика там не было. Герман скакнул на лестницу... пробежал по ней, потом забрался на шестой ярус, туда, где они встретили Деррика. Так и есть. Предатель решил затаиться там, переждать, пока Меганики разберутся с его товарищами по клану, а потом выйти на поверхность и присоединиться к врагам.

– Пошли, – вскинулся Герман, он отнял ладони от стены и тут же почувствовал сильнейшее головокружение, виски сжало стальным обручем, боль взорвалась внутри головы, как взрывается заключенный в черный стальной корпус топийный заряд, разнося все в округе вдребезги...

– Эй! – Окрик Ральфа привел его в чувство. – Ты в порядке? Мы можем идти?

– Да, конечно, – откликнулся Герман. – Гнев, вперед! – Охотник коснулся левого уха крысосока и выставил вперед скрещенные указательный и средний пальцы, давая зверю команду поиска врага.

По лестнице спускались медленно, стараясь производить как можно меньше шума. Пройдя пролет, замирали, вслушивались в тишину, царившую в Убежище, и вновь продолжали спуск.

Лишняя секунда пользования запретным грозила уже не головной болью, а полной потерей сознания, так что Герману пришлось на время отказаться от сканирования Убежища. Он надеялся, что Деррик никуда не денется, затаится и будет сидеть тихо, словно ревун, вокруг которого бродит голодный крысочот.

Верхние ярусы остались за спиной, на третьем уровне Герман зажег химфонарь. Ральф последовал его примеру.

– Мы как куропатки в Парке, – пробурчал он, крепко сжимая в руках ружье.

– А что ты предлагаешь? Выбросить химфонари? В темноте мы далеко не уйдем.

– Мы точно никуда не уйдем, если он нас пулями нашинкует, – пробурчал Ральф. – Мы же у него как на ладошке. Светлые такие мишеньки.

– Пока мы можем не волноваться. Он на шестом ярусе прячется, – успокоил охотника Герман.

– А ты откуда знаешь? – с подозрением спросил Ральф.

– Гнев чувствует, – соврал Герман, не желавший распространяться о запретном, – и мне рассказывает.

– Ну-ну. – Ральф хмыкнул и положил руку на свой химфонарь, приглушая и без того скудный свет.

Четвертый уровень. Пятый. Шестой. Прежде чем сойти с лестницы, Герман осторожно выглянул в темный коридор, но, естественно, никого не увидел – согласно его данным, Деррик скрывался немного дальше.

– Он может быть где угодно. – Ральф сплюнул. – Тут технических помещений больше, чем блох на твоём крысочоте. Почему ты уверен, что он именно на шестом? Может, начнем прочесывать с седьмого?

– Он здесь, – упрямо проговорил Герман; закололо в висках, но все же потянулся к запретному, чтобы подтвердить направление их движения.

Да, Деррик все еще был на шестом ярусе. Где-то совсем близко. Герман услышал, как бьется сердце предателя – громко, ритмично, спокойно. Похоже, Деррик даже не предполагает, что его ищут.

– Эй, ты в порядке? – Ральф дернул застывшего Германа за рукав.

Выражение лица Ральфа говорило само за себя: “угораздило же меня связаться с этим чертовым психом”.

– Он недалеко, – прошептал Герман, – двадцать, может быть, тридцать метров отсюда.

– Гнев поделился? – спросил Ральф. Герман кивнул.

– Должно быть, это возле первого пересечения коридоров, – сказал Ральф, решив, что если Герман решил поиграть в эту игру, то он ему подыграет. – Крысочот не сказал, Деррик вооружен или нет?

– Ему это неизвестно. Зато я точно знаю, что на седьмой уровень, к хранилищу Кра, он спускался. Так что у него, скорее всего, полный боевой комплект.

– Ясно, – вздохнул Ральф, уверившись, что Деррика они на шестом ярусе не найдут, – я пойду впереди.

Герман кивнул, и Ральф осторожно двинулся вперед, прижимаясь к стене. Герман решил держаться противоположной стороны коридора. Позабыв о боли, он все еще продолжал цепляться за запретное, поэтому время от времени замирал, выпадая из реальности, но возвращался быстро, чтобы не упустить Ральфа из виду. Ставки были слишком высоки, чтобы обращать внимание на все усиливающуюся головную боль. Сердце врага билось в обычном ритме, похоже, тот не подозревал об их присутствии. Охотники шли почти бесшумно, правда, Ральф время от времени оглядывался на постоянно отстававшего Германа и шепотом бормотал проклятия. Оружие они держали наготове.

Вскоре охотники добрались до пересечения коридоров Убежища. Гул сердца Деррика стал оглушительным, а боль в висках нестерпимой, Герман решил, что пора отказаться от запретного. Теперь стало совершенно очевидным, что враг находится в противоположном коридоре. Слева. Биение сердца исчезло, остался лишь шум, доносившийся из генераторного отсека. Герман жестом привлек внимание Ральфа, ткнул пальцем влево. Охотник понимающе кивнул и, сняв с пояса химфонарь, положил его на пол. Герман проделал то же, избавился от химфонаря, убрал арбалет и сжал в руках световую гранату. Ральф усмехнулся и приложил приклад ружья к плечу. Из противоположного коридора на перекресток падали едва различимые лучи от химфонаря Деррика...

Гнев вдруг разволновался, почуял присутствие врага, рыкнул и, прежде чем Герман успел отдать команду, метнулся за угол. Раздался испуганный вскрик, две коротких очереди и отчаянный визг. Герман выругался и рванулся вперед. Ральф едва успел схватить его за плечо и удержать.

– Герман! Ты ли это, дружище?!

Охотники молчали.

– Герман, я же знаю, что ты здесь. Твоя тупая тварь никуда без тебя не ходит! Я ее, кстати, пристрелил!

Герман заскрипел зубами и снова рванулся вперед, Ральфу пришлось приложить все силы, чтобы удержать его.

– Ге-э-эрман! А Герман? Что там за возня такая? Давай поговорим, как взрослые люди!

– Мне не о чем с тобой говорить! Бросай оружие и выходи! – рявкнул Герман.

– А не то что? – явно издеваясь, поинтересовался Деррик. – Сильно рассердишься?

– Если не выйдешь, умрешь медленно, – пообещал Герман.

– Боюсь, когда наши войдут в Убежище, тебе придется хуже всех. – Деррик весело засмеялся. – Ну, иди же скорее сюда. Мне не терпится посмотреть, как твой жалкий арбалет поспорит с моей новой замечательной игрушкой, которую я, кстати, добыл благодаря твоей подсказке на складе Кра. Забыл тебе сказать спасибо.

– Почему ты на стороне Мегаников, Деррик? – выкрикнул Ральф. – Твой клан – Ветродувы. Как ты мог предать родной клан?

– Это кто там с тобой, Герман? Голос знакомый...

– Это Ральф.

– Приветствую тебя, Ральф, – выкрикнул Деррик, – значит, вас там двое. Или, может, еще кто-нибудь есть?

– Ты не ответил на мой вопрос. – Герман заметил, что палец охотника подрагивает на курке. – Почему ты заодно с Меганиками?

– Ты читал Последний Завет? – Голос Деррика вдруг стал вкрадчивым и торжественным, словно ему было известно нечто, чего не знали другие, будто он владел какой-то особенной удивительной тайной, знанием, которое давало ему уверенность в собственных силах и правоте.

– Какой еще завет, Деррик? – крикнул Ральф. – О чем ты, черт тебя дери, говоришь?

– Мне не о чем говорить с тенью! – презрительно изрек Деррик.

– Тенью?! Да ты такой же, как я!

– Блаженны тени, узревшие свою суть, ибо примет Он их в свои объятия, – продекламировал Деррик.

Герман больше не мог сдерживаться, он высунулся из-за угла, наугад пальнул в коридор и отпрыгнул назад. По стене тут же застучали пули, брызнула бетонная крошка, небольшой осколок, отскочивший от стены, ударил Германа в лоб и поцарапал кожу.

– Дьявол! – выругался Герман. – Да у него там целый арсенал! Деррик, ты мне ответишь за смерть моей собаки!

– Это не собака, ибо тень, порожденная мраком, не может быть созданием Господа нашего!

– Мне надоели твои дурацкие изречения! – рассвирепел Герман и швырнул в коридор световую гранату.

Полыхнуло огнем. Застрекотал автомат, и вокруг зажужжали пули, они били в стену, ложились в пол, оставляя в сером бетоне длинные темные выбоины. Герман решил, что Деррик ослеплен и палит наугад. Но огонь был настолько интенсивным, что высунуть голову из-за угла было бы сущим безумием. Предатель все стрелял и стрелял.

“Да сколько же у него патронов в обойме?” – подумал Герман.

Он упал на пол, выставил в коридор арбалет и нажал на спуск. Конечно, промахнулся – пороховой болт впустую разорвался где-то у дальней стены, не причинив Деррику никакого вреда. Техник выпустил еще две короткие очереди и прекратил беспорядочную пальбу, в коридорах, заполненных едким дымом, наступила гробовая тишина.

– Тебе не выбраться! – проорал Ральф. – Ворон сдерживает твоих проклятых дружков, и рано или поздно мы достанем тебя!

– Попробуйте, антихристовы дети! – В голосе Деррика звучали ненависть и фанатизм. – У меня достаточно пуль, чтобы всех вас положить! Всех вас, тени...

“Если световая граната ослепила его, то сейчас со зрением у него не очень хорошо, – подумал Герман, – в лучшем случае, он видит зеленые силуэты в абсолютном мраке”.

Охотник осторожно выглянул из-за угла, стараясь определить точное местонахождение Деррика. Враг вдруг оказался совсем близко, освещенный химфонарем. Герман успел заметить, что на голове у него шлем с темным защитным стеклом. И в то же мгновение Деррик что-то рванул и резко отшвырнул от себя. В глаза Герману ударил яркий красный свет. Он отшатнулся назад и прыгнул в прилегающий коридор. Топийная граната, не успев “запомнить” точную цель, огненным росчерком пронеслась позади и с оглушительным грохотом разорвалась, ударившись в стену.

Взрыв был такой силы, что содрогнулось все Убежище. Германа понесло, переворачивая по полу, он врезался в шкафы и закричал от боли. Позади кто-то шумно протопал и выстрелил в него из автомата. Несколько пуль ударились над самой головой.

Коридор быстро затянуло бетонной пылью и дымом. В двух шагах ничего нельзя было разглядеть. Герман, преодолевая боль, потянулся к запретному и услышал, что сердце Деррика бьется все менее и менее отчетливо – он убегал...

В это мгновение послышался ружейный выстрел, потом еще один. Утратив ориентацию в пространстве, Ральф принялся палить в коридор, где еще недавно был предатель, наугад.

– Не стреляй, Ральф! Не стреляй, говорю! – проорал Герман, поднимаясь на ноги. – Он сбежал!

– Как он мог сбежать? – откликнулся Ральф. – Единственный выход на свободу через нас!

– Говорю тебе, он сбежал! – Герман выставил руки и побрел через дым, стараясь вдыхать его как можно меньше. Вскоре ему удалось встретиться с Ральфом. Тот выглядел рассерженным.

– Ну раз ты так говоришь, то и иди первым. Я рисковать головой не хочу. Черт побери, он нас чуть было не угробил!

– погоди, сейчас дым рассеется, и глянем.

– Что это так грохнуло?

– Топийная граната. Этот кретин ее даже нормально навести не смог. Даже основной заряд не активировал. Слабо грохнуло.

– Слабо?

– Угу.

– Значит, нам повезло, что он кретин...

Умная система воздухооборудования Убежища зафиксировала повышенное задымление в коридорах шестого яруса и включила вытяжку. Дым постепенно рассеивался, видимость улучшилась, и Герман выбрался в коридор, где еще недавно скрывался Деррик. Ральф, все еще не веря, что предатель убежал, выглянул в коридор с опаской. Сквозь рассеивающуюся дымку оба охотника увидели в стене позади себя, в месте, куда ударила топийная граната, огромную рваную черную дыру.

– Что это? – пробормотал Герман.

Ральф осторожно подошел к дыре и посветил в нее фонарем.

– Ты не поверишь, но, кажется, этот гад проломил стену... и, сдается мне, это... это тоннель подземки.

– Быть того не может!

– Еще как может, – покачал головой Ральф, – видно, стена от времени истончилась.

– Тогда где рельсы? – Герман осматривал пространство, открывавшееся за дырой, не без опасений.

– Ну, может, это какое-то из технических помещений подземки. В любом случае Деррик решил спрятаться в подземных коммуникациях Города.

– Он всегда был дураком! – произнес Герман. – Впрочем, как и наши предки, удумавшие строить Убежище поблизости от входа в подземку. Удивляюсь, как это жевалы до сих пор не прогрызли к нам в гости.

– Я слышал от стариков, что раньше часть подземки использовалась как Убежище и Убежища имели выход в подземку.

– Мне надо найти Ворона, – принял решение Герман. – Сиди здесь, карауль, чтобы никто к нам не влез.

– Ты с ума сошел?!

– Говорю тебе – сиди здесь. У тебя ружье, если что – стреляй. Я должен предупредить тех, кто наверху.

– А что, если Деррик понял, что сглупил, и вернется?

– Но ты ведь умеешь стрелять, правда? – сказал Герман и, не дожидаясь ответа, побрел к телу Гнева.

Когда он поднял крысочку на руки, зверь еще дышал. Прерывистое дыхание вырывалось из его простреленного легкого, он хрипел, глаза его были мутными, на носу выступила кровавая пена. Герман держал Гнева на руках и гладил по мягкой редкой шерсти. Зверь угадал на глазах, его опаленный бок вздымался все реже и реже. Потом глаза крысочки вдруг широко распахнулись, Герману показалось, что зверь посмотрел на него с осуждением. Крысочка вздрогнула и затих навсегда...

– Гнев, дружище, прости меня за все. – Герман почувствовал, как его глаза наполнились слезами. Они столько прошли и пережили вместе, что теперь поверить в эту потерю было просто невозможно.

“Я должен похоронить его сам”, – решил Герман.

– Я пока положу тебя здесь, – сказал он, распахнул один из металлических шкафов и осторожно положил остывающее и казавшееся теперь таким маленьким тельце на нижнюю полку, – я обязательно вернусь за тобой и похороню...

Герман осторожно прикрыл дверцу шкафа, словно слишком громкий хлопок мог побеспокоить Гнева, и почувствовал, что его переполняет горечь, а в горле появился комок, не дающий спокойно дышать. Он потряс химфонарь, чтобы горел ярче, и побегал к лестнице, надеясь только на одно: Ветродувы все еще держат оборону возле Убежища и Меганики не успели ворваться на нулевой уровень. Ведь там находятся беспомощный, обессиленный от потери крови Гюнтер, и Франц, которому “однажды показывали, как надо обращаться с гранатометом”.

“Я должен успеть! Я должен спасти их!” – думал Герман, прыгая по ступенькам уже остервеневшей ему за этот бесконечно долгий день лестницы...

В помещении возле подъемника царила тишина. Там было так тихо, что, преодолевая последний пролет, Герман думал о том, что сейчас увидит одних мертвецов. Он стремительно вбежал в залитую кровью комнату.

Франц сидел возле стены и бессмысленно глядел в пространство. Герману даже показалось, что он мертв, но потом Госпитальер медленно повернул голову, и охотник убедился, что с мальчишкой все в порядке. Гюнтер завалился на бок, глаза его были закрыты.

– Он умер, – сказал Франц бесцветным голосом, – я все делал, как полагается, а он все равно умер... умер... А где Гнев и где...

– Ральф внизу, – коротко ответил Герман и скрипнул зубами, – Гнев погиб...

– Ох! – выдохнул Госпитальер. – Я...

– Вставай, пошли. – Герман протянул Францу руку. – Мы должны найти Ворона.

Не обратив внимания на протянутую ему ладонь, Франц поднялся на ноги сам, в глазах его стояли слезы.

– Я просто не могу поверить, что все это происходит со мной, – проговорил он. – И Гюнтер, и Гнев... А я... я... Госпитальеры ведь неприкасаемы. Я никогда не думал... – Франц приложил пальцы к вискам и принялся их массировать, качая головой.

– Соberись! – Герман схватил мальчишку за воротник и сильно встряхнул. – Врагам все равно – Госпитальер ты или нет! Ты что же, хочешь показать им татуировку и попросить неприкосновенности? – В его голосе вдруг прозвучало презрение.

– Нет... нет, конечно нет, – испуганно забормотал Франц. – Как ты мог подумать?

– Тогда воюй! – Герман поймал ладонь Госпитальера и положил на ствол автомата. – Вот твое оружие, Госпитальер. И помни, сейчас ты не нарушаешь никаких законов, ты точно так же помогаешь невинным людям. Осознал?

Франц кивнул и взялся за автомат.

– Вот так намного лучше, вперед! – Герман двинулся к выходу из Убежища, и Госпитальер послушно направился за ним.

Глава пятая

*ПУСТЬ СУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ ЛЮДЬМИ,
ГОВОРЯТ:*

Знайτε врагов своих, ибо знание есть предупреждение сущь. Ведайте помыслами врагов своих, ибо знание есть защита сущь. Ищите и находите слабости врагов своих, ибо знание есть путь к милосердию сущь. Защищайте от врага кровь и плоть свою, ибо тот, кто считает, что сможет выжить вне клана, – глупец и невежда.

ВНЕМЛИТЕ ГЛАСУ ЧИСТОГО РАЗУМА:

Знайτε теней, ибо знание есть сила сущь. Ведайте помыслами теней, ибо знание есть власть сущь. Ищите и находите слабости теней, ибо знание есть огненный меч в руках Его сущь. Карайте нечистую кровь, ибо тот, кто верит, что кланы – спасение и благодать, – глупец и невежда.

*Последний Завет. Книга Нового мира. Послание заново рожденным.
Ст. 32*

Между бронированными дверьми Убежища Герман остановился, задумчиво разглядывая стоявший в углу массивный черный пулемет, который охотники клана почему-то окрестили “кузнечиком”. Выволочь бы это чудище на улицу – вот тогда бы они задали врагам жару, но для свободного перемещения пулемет явно не был приспособлен – слишком тяжел. Нужно по крайней мере четыре человека, чтобы сдвинуть его с места, а для того, чтобы доставить “кузнечика” к полю боя, потребуется большая колесная тележка. Что и говорить, вещь, конечно, отличная, но совсем немобильная. Да и треногу, намертво прикрученную к полу здоровенными болтами, нечего думать освободить за короткое время. Здесь работы минимум на час...

Герман с сожалением махнул рукой и повернулся к Францу.

– Ну, – сказал он, – снимай автомат с предохранителя...

В лице Госпитальера не было ни кровинки.

– Спокойнее, не волнуйся. – Герман положил руку ему на плечо, почувствовав, что настроение у мальчишки близкое к панике. – Всем когда-то приходится убивать в первый раз. Помни, что это враги. И если ты не будешь стрелять в них, они застрелят тебя.

Франц не шевельнулся.

– Если понял меня, дай знак, хорошо? – сказал Герман. Госпитальер едва заметно кивнул, потом снял автомат с предохранителя. Охотник взял арбалет на изготовку.

– Ну, двинулись.

Коридор, ведущий к выходу, показался Францу особенно длинным. Полумрак, запах грибов и тишина, нарушаемая только гулким эхом их шагов. Франц старался дышать носом и не разговаривать, чтобы не сбилось дыхание: лямки проклятого мешка впивались в плечи и тянули к земле.

“Не стоило так нагружать мешок боеприпасами”, – подумал он.

Герман толкнул плечом металлическую дверь, ведущую к лестнице. На них тут же обрушился яростный звуковой шквал-шум выстрелов, свист пуль, крики. Похоже, наверху было жарко, если не сказать горячо.

– Какая муха укусила Мегаников? – пробормотал Герман и, обернувшись к Францу, который застыл на ступенях, словно древняя статуя в Парковой зоне, гаркнул: – Держись стены!

Охотник решительно двинулся вверх по лестнице, Франц на негнущихся ногах последовал за ним. Ему казалось, что стрельба раздается в непосредственной близости от него, и хотя до поверхности было еще три лестничных пролета, паренек очень боялся, что в него вот-вот

попадет какая-нибудь шальная пуля. Он вздрагивал от каждого выстрела. К тому же тащиться вверх с тяжеленным мешком за плечами было тяжело и неудобно. Франц подумал, что это настоящая несправедливость. Крепкий и мускулистый Герман бежит впереди налегке, сжимая в руках всего лишь легкий арбалет, а он, как верный оруженосец из довоенной сказки, вынужден ползти за ним следом с автоматом, да еще тащить мешок, набитый под завязку патронами. А между тем в мешке были и болты для арбалета Германа, и немало весившая топийная граната.

– Эй! – крикнул Франц, намереваясь заставить охотника забрать у него мешок.

Герман не обратил на окрики Франца никакого внимания, он уже преодолел последний лестничный пролет и теперь находился возле двери, ведущей наружу. Госпитальер остановился, сжимая автомат в мокрых от страха ладонях.

Герман резко обернулся.

– Стой на лестнице и не двигайся! – крикнул он.

Франц торопливо кивнул и только сейчас заметил, что в помещении они не одни: прижавшись к стенам по бокам от входа, стояли два охотника Ветродувов. Госпитальер заметил, что один из них ранен в руку, во всяком случае, на ладони, сжимавшей приклад винтовки, виднелась кровь, а рукав куртки возле локтя был прорван.

– Ну и кто мне объяснит, какого хрена здесь происходит?! – поинтересовался Герман.

– Меганики словно взбесились! – сказал один из охотников. – Поперли на нас с Лихтенштрассе, хорошо разведчики успели вовремя поднять тревогу. А не то бы...

В этот момент пуля ударила в дверь, и помещение наполнилось глубоким гулом. Судя по всему, вражеский стрелок прицельно стрелял по домику, через который можно было попасть в Убежище.

– Ловко лупит, гад! – сказал первый охотник. – И носа высунуть не можем! Мы даже не знаем, где он сидит...

– А где остальные? – спросил Герман и подумал, что определить, где засел снайпер, для него не составит труда, это как раз тот случай, когда свое уникальное умение он воспринимал как дар, а не как проклятие.

– Все в квартале отсюда, сдерживают основной натиск...

– Ясно. – Герман судорожно соображал, оценивал сложившуюся ситуацию. – Ну что же, улицы там узкие, можно продержаться какое-то время. А Ворон?

– Он со всеми. Нас оставил здесь на всякий...

Стрелок опять всадил пулю в дверь, и она отозвалась гулом.

– На всякий случай, – продолжил охотник. – Мы с Патриком, Густав и Михаэль. Трое Мегаников как-то прорвались, ну и на нас наткнулись. С двумя мы разобрались, а третий, сволочь, застрелил Михаэля и теперь торчит в кустах и стреляет все время.

– Что у него, патронов лишних много? – Герман сплюнул. – Мне надо подумать, – сказал он, отошел в сторону и уселся на стоявший здесь с незапамятных времен небольшой стул.

– Подумать? О чем подумать?! Тут действовать надо! – Охотник ошарашенно уставился на него, так и не получив ответа и повернулся к Францу: – Что это с ним?

– У него бывает, – пояснил Франц.

Охотник скорбно покачал головой. После войны появилось много “странных” людей, время от времени выпадавших из реальности. Психические заболевания неизменно прогрессировали, приступы повторялись все чаще, и в конце концов однажды наступал такой момент, когда люди уже не возвращались обратно. Что и говорить, психов даже среди Ветродувов было немало, а уж людей, у которых были те или иные психические отклонения, полным-полно...

Герман разговор Франца и охотника уже не слышал. Он плыл в спокойных волнах, вглядываясь в иное, темное пространство, где любая преграда выглядела как столб воды до самого

неба, голоса звучали приглушенно, едва различимо, зато сердца стучали громко и отчетливо, а кровь шумела в венах живых существ, словно бурный поток горной реки.

Запретное отзывалось мучительной болью в висках. В который раз за день он пользуется своим уникальным даром? Герман потянулся мыслительным щупом вперед, выбрался из домика и сразу же наткнулся на бешено стучащее рядом с Убежищем большое сердце. Пребывавший в “задумчивости” Герман подпрыгнул на стуле и снова замер, вперив взгляд в пустоту. Патрик покрутил пальцем у виска. Второй охотник пожал плечами – мол, всем давно известно, что парень не в себе...

Герман понял, что это залегший в траве Густав, только у него сердце могло быть таким огромным и стучать с такой яростной силой. Он потянулся дальше и в двадцати метрах от убежища, под кривой раскидистой липой, засек еще один пульсирующий быстрый ритм. Герман приблизился и в полной мере ощутил четырехкамерное человеческое сердце. Кровеносная система была частично изменена, судя по всему, мозг снабжался кислородом при помощи дополнительной пары крупных сосудов или краниумных шунтов. А вот это уже враг...

Пуля снова ударила в дверь. У Патрика не выдержали нервы, он выставил наружу двуствольное ружье и пальнул наугад. Разлетевшаяся веером дробь посшибала листья с кустов и деревьев.

Герман вернулся. Реальность вспыхнула в глазах яркими красками и поначалу ослепила его. Он воспринял переход привычно, решительно вскочил на ноги и подбежал к двери.

– Густав! – заорал он что было сил. – Густав!

– Да? – пискляво прозвучало снаружи. Внешность Густава хоть и была внушительной и даже массивной – ростом он был под два метра и весил больше центнера, – а голосок у охотника был тоненький, писклявый и до чрезвычайности противный. – Это кто там со мной разговаривает? Герман, ты, что ли?

– Я, – откликнулся Герман.

– Ты откудова там взялся?

– Об этом потом! – проорал Герман.

– Чего?

– Да ничего! Дура твоя с тобой?!

– Майя, что ли? Не, она в городе осталась...

– Какая Майя?! – рассердился Герман. – Я говорю, пушка твоя у тебя?!

– Да! – Голос залегшего в траве охотника прозвучал увереннее. – Куда я без своей пушки-то?!

– Видишь ту кривую липку?! Бери на три пальца правее! Взял?!

– Да!

– Пли! – скомандовал Герман.

За стеной грохнуло так громко, что Франц вздрогнул всем телом и еще больше побледнел. Герман снова потянулся к запретному, поднял лицо к потолку, словно принохивался к чему-то, и замер без движения. Руки он выставил перед собой, слабо шевеля пальцами, как будто перебирал ими что-то невидимое, рассыпавшееся в воздухе.

Охотники многозначительно переглянулись.

Герман порыскал мысленным щупом там, где еще недавно он чувствовал устойчивый сердечный ритм, но так ничего и не обнаружил – сердце врага замолчало. Он обернулся к охотникам.

– Можно выбираться, – сказал он, – Густав его застрелил.

Он распахнул дверь, выскочил из домика и, не оглядываясь, побежал к пылающему кусту, откуда Меганик еще недавно вел обстрел входа в Убежище. Убитый лежал на спине, разбросав руки, в груди у него зияла неровная дыра с опаленными черными краями.

Сжимая в руке огромное ружье, из которого слона пристрелить как нечего делать, подошел Густав. Такую “дуру” мог таскать с собой только такой гигант, как он. Послевоенная разработка. Лупит цилиндрами, содержащими огненную гадость, вспыхивающую на открытом воздухе и горящую до второго пришествия. Бесценное оружие.

Охотники выбрались из Убежища и присоединились к Герману с Густавом. Патрик испуганно озирался по сторонам, опасаясь, что еще какой-нибудь пробившийся сквозь оборонительную линию Ветродувов Меганик затаился неподалеку.

– Густав! Ты раньше не мог пальнуть? – Патрик ткнул великана кулаком в плечо.

– Но как же тут пальнешь-то? – жалобно проговорил Густав. – Кустов много, а откуда он стрелял, я не видел.

– Так и палил бы по всем зарослям.

– Так у меня всего два заряда осталось. Если бы не Герман, я бы его ни в жисть не грохнул.

Откуда-то издалека до них доносились едва различимые щелчки и стрекот автоматных очередей...

– Мне надо найти Ворона! – сказал Герман. – Вы двое, оставайтесь у Убежища! Густав, поищи Кра, думаю, он все еще где-то у мэрии. Скажи ему, что всех женщин и детей надо немедленно отправить под землю, пока еще не слишком поздно... – Он посмотрел по сторонам, словно потерял что-то, а потом закричал: – Франц! Вылезай!

Госпитальер выбрался из Убежища, покосился на непропорционально сложенного, огромного Густава, на труп Михаэля с простреленной головой, тела убитых Мегаников и пылающие кусты.

– Отлично! – сказал Герман, увидев, что мешок с боеприпасами на плечах у Франца. – Двинулись!

Они миновали сквер, выбежали на полупустую площадь, еще недавно до отказа заполненную народом. Теперь здесь лежали раненые, не меньше двадцати человек, рядом с ними находилось несколько женщин, которых оставили ухаживать за ними. Пара Ветродувов тащила через площадь охотника с простреленной грудью. Он тяжело, со свистом дышал, время от времени сплевывал на асфальт кровь.

– В Убежище! – запищал позади Густав. – Все убирайтесь в Убежище! Марта, где Майя? Где она шастает, дура такая? А ну давайте все в Убежище!

Герман и Франц миновали площадь, обогнули перевернутую повозку Торговцев – самих Торговцев не было видно, должно быть, поспешили убраться из зоны конфликта – и побежали по узкой улочке на звуки стрельбы. Впереди Герман увидел Фридриха. Толстяк направлялся к ним навстречу, лицо его покрывала копоть, а на плечо опирался охотник, раненный в ногу.

– Там жарко! – крикнул им Фридрих, когда они уже промчались мимо.

Стрельба становилась все громче. Франц заметил на втором этаже здания, находящегося по правую руку от них, какое-то движение. Он остановился и вскинул голову. За окном суетилась пожилая парочка, и, насколько мог понять Франц, старики оживленно переругивались. Герман вдруг засмеялся, и Госпитальер посмотрел на него как на умалишенного...

– Это Адольф и Ева, – пояснил Герман. – У них свой “кузнечик” припасен.

– Какой еще “кузнечик”? – удивился Франц.

– Видел у входа в Убежище пулемет? У этой семейки есть такой же. Похоже, сегодня, если только Меганики пойдут по этой улице, у них есть шанс испытать на себе его огневую мощь. А у Адольфа и Евы появится возможность отлично развлечься.

В подтверждение его слов окно со звоном разбилось, и на мостовую посыпались осколки стекла. Пожилой Адольф, кряхтя, разворачивал пулемет. Длинное дуло показалось в оконном проеме.

– О! – Все, что смог сказать изумленный Франц!

– Старая гвардия, – заметил Герман. – Адольф – человек, много повидавший на своем веку.

– Ах ты, старый хрыч! – закричала старушка Ева. – Разбил-таки окно! Разбил!

– Тише ты! – прикрикнул на нее воинственно настроенный Адольф. – Подумаешь, окно... Оно тебе не понадобится, если им удастся добраться до нас... Но не волнуйся, милая, я им этого сделать не дам. Да уж, не дам! – Он взялся за рычаги, покрутил дулом и поймал в прицел застывших неподалеку Германа и Франца. – Спешите, молодые люди! – крикнул Адольф. – Но будьте уверены, мимо старого Адольфа никакая механическая свинья не пролезет!

Герман показал старику знак Ветродувов, тот отсалютовал в ответ.

– Вперед, – скомандовал охотник, и они побежали дальше.

Улица упиралась в небольшую круглую площадь, раньше служившую автобусной станцией. До сих пор здесь торчало несколько старинных автобусных кузовов, которые Ветродувы путем нехитрой реконструкции превратили в теплицы для выращивания огурцов. Сейчас за ними прятались стрелки Ветродувов и вели огонь по домам на противоположной стороне площади. В полуразрушенных домах, еще недавно имевших самый благообразный вид, засели Меганики, они поливали площадь плотным автоматным огнем. Пули стучали по ржавому металлу автобусных кузовов, безжалостно пробивая в нем дыры.

– Держись стены! – скомандовал Герман.

Они прижались к зданию, из окна которого по Меганикам прерывисто бил пулемет. Еще одно пулеметное гнездо было организовано посреди улицы. Из сваленных в беспорядке железок и мешков, набитых камнями, Ветродувы соорудили дот. Несмотря на то что позиция у пулеметчика была не самая выгодная, пока он умудрялся держаться. На асфальте возле дота Герман заметил два темных пятна – следы от разрыва осколочных гранат.

Вдоль улицы стелился дым, пахло гарью. Пули жужжали над автобусами, рикошетили от мостовой и стен зданий. Чуть поодаль, за автомобилем, перевернутым взрывом, слышались звуки автоматов и пистолетов. Ветродувы перебежали от автобуса к автобусу, стреляя по окнам зданий, где засели Меганики, из арбалетов. Болты сверкали в воздухе, бились о каменные стены, несколько болтов торчало в деревянном подоконнике. Присев на одно колено за обломком стены, Пилигрим Дуго стрелял из пистолета. Его дорожный посох лежал рядом. Франц заметил, что прежде чистая одежда Пилигрима вся забрызгана грязью, а лицо покрыто копотью.

Жилой, хорошо благоустроенный квартал превратился в поле боя. Сейчас здесь собрались почти все способные держать оружие мужчины клана Ветродувов. Охотники прятались не только за огуречными теплицами, они засели в домах, вели огонь со второго этажа здания, лежали на земле в стороне от дота. Автоматическое оружие имелось далеко не у всех, большинство Ветродувов были вооружены обычными арбалетами или луками. Не сравнить с великолепной экипировкой Мегаников. Нападение врага застало клан врасплох, и охотники не успели посетить склад Старого Кра, организованный на нижнем ярусе Убежища.

Один из Ветродувов вскочил на ноги, держа на изготовку арбалет, должно быть, намеревался перебежать к подъезду здания, но автоматная очередь тут же прошла его, он рухнул на землю и застыл без движения.

Герман заскрипел зубами от ярости – теперь он ясно видел, что рано или поздно враги одолеют. Им не выстоять. Слишком много убитых уже лежит на улице и на площади. Ветродувы все время теряют бойцов, хотя пока им удастся сдерживать наступление.

Герман увидел врага, появившегося в проеме окна на втором этаже, который целился в кого-то из автомата Охотник вскинул арбалет и нажал на курок. Болт угодил Меганику в шею, враг завалился назад, судорожно вцепившись в поразивший его снаряд...

Перестрелка продолжалась еще некоторое время без особых потерь для обеих сторон. Герман произвел несколько удачных выстрелов, Франц все медлил, он поводил дулом автомата, но никак не решался выстрелить. Меганики перешли в наступление внезапно. Десяток врагов выбежали из прилегающего к площади проулка.

– А, чтоб тебя! – крикнул Герман и, ухватив присевшего на одно колено Франца за предплечье, кинул рядом с собой на землю. – Действуй! – заорал он и выстрелил.

Пороховой болт промчался в воздухе, оставляя за собой дымный след, и угодил в грудь ближайшего Меганика. Франц взял автомат наизготовку и принялся тщательно целиться, испытывая смешанные чувства. Фигурок было слишком много. Кого же из них выбрать? Кого УБИТЬ? Ведь все они ЖИВЫЕ. Они дышали, двигались, глазели по сторонам... И целились в него и в Ветродувов, слишком увлеченных пальбой по окнам, чтобы заметить новых врагов. Госпитальер нажал на курок, очередь ударила по стене и зацепила одного из Мегаников. Он рухнул на землю, схватился за простреленный бок и закричал. Франц подумал, что этот крик он будет помнить до последнего дня. Раненый перевернулся на живот и, глядя на него, пополз, опираясь на металлическую конечность. Он все полз и полз, а на Франца внезапно нашло странное оцепенение. Звуки вокруг словно стихли. Он видел только раненого Меганика, который смотрел ему прямо в глаза и все полз и полз, как будто у него не было иной цели, кроме как добраться до того, кто подстрелил его. Болт ударил раненому в лоб, Меганик ударился лицом об асфальт и затих.

– Очнись! – Герман пихнул Франца. – Быстро, пробираемся к Дуго!

Пилигрим между тем услышал взрыв порохового заряда, обернулся, заметил надвигающихся с фланга врагов и немедленно принялся стрелять в них. Один из Мегаников получил пулю в грудь и отлетел назад, следующая пуля угодила другому врагу в металлическую руку и отколошетила в стену дома.

К счастью для Пилигрима, Ветродувы тоже заметили нападающих и переключили огонь на них. Несколько Мегаников рухнули под градом пуль, стрел и болтов. Остальные попадали на землю и открыли ответную стрельбу. Один из Ветродувов вскрикнул и упал, раненого тут же оттащили в сторону. Пулеметчик в здании перевел огонь на площадь, туда, где залегли враги, и длинная очередь срезала сразу двоих. Пистолет Пилигрима довершил начатое.

– Дуго! – Герман старался перекрыть шум пальбы. – Где Ворон?!

– В здании! – Пилигрим неопределенно мотнул головой, перезаряжая обойму.

Пара охотников подвезла на тачке несколько круглых шаров. Не обращая внимания на обстрел и свистящие вокруг пули, люди положили по шару в нечто напоминающее огромные пращи, подожгли фитили и принялись раскручивать странные приспособления у себя над головой.

– Прикрой гранатометчиков! – Герман толкнул Франца. – Стреляй по окнам!

Госпитальер не стал спорить и принялся исправно нажимать на спусковой крючок. Короткоствольный автомат рычал, задирает дуло к небу и плевался гильзами до той поры, пока прашники не запустили снаряды. Первый шар угодил точно в окно, откуда вели обстрел сразу несколько Мегаников. Оглушительно грохнуло, из окна повалил дым, и вражеская стрельба на время стихла. Второй шар ударился в стену дома, взорвался, и старая кирпичная кладка, не выдержав силы удара, рухнула, обнажая огромную дыру высотой в два этажа.

Пыли и дыма на площади прибавилось, и Герман, рванув Франца за плечо, побуждая подняться на ноги, побежал к зданию, где, по словам Дуго, засел Ворон.

Гранатометчики метнули новые шары. Снова грохнуло, дыма стало еще больше, и метатели пороховых зарядов, подхватив опустевшую тележку, бросились наутек...

Ворон засел на втором этаже, возле пулеметного гнезда. Кроме старшего охотника в комнате находился только пулеметчик. Он как раз менял пулеметную ленту, обернулся к новоприбывшим и подмигнул светло-голубым глазом, казавшимся особенно ярким на черном от гари

и пороховой пыли лице. Затем пулеметчик повернулся, захлопнул крышку патронника и принялся стрелять, сию минуту что-нибудь разглядеть в плотном пылевом облаке, повисшем над площадью.

– Хватит! Хватит! – взревел красноглазый мутант. – Куда палишь?! Все равно ничего не разглядеть!

Пулемет смолк, и Ворон обернулся к Герману и Францу.

– Что-то ты долго, – сказал он, свирепо разглядывая охотника.

– Раньше никак не мог, – ответил Герман, – был занят... Развлекался, знаешь ли, женщины, дешевое пойло...

Ворон помрачнел, повисла напряженная пауза. Потом Старший охотник заговорил, видимо, решил, что сейчас не лучшее время выяснять отношения и обращать внимание на дурацкие шутки.

– Рад, что ты пришел в чувство и оказался здесь. Готов помочь?

– Да, – коротко ответил Герман.

– Тогда берите на себя окно, в третьей комнате отсюда. Оттуда хорошо простреливается переулок. Твоему приятелю там тоже дело найдется.

– Что происходит? Почему Меганики на нас напали? – спросил Герман, прежде чем отправиться на позицию.

– Какая теперь разница?! – рявкнул Ворон. – Напали, да и все!

– Для меня есть разница, – ответил Герман, свирепо буравя его глазами.

На этот раз пауза была еще напряженнее. Некоторое время охотники, набычившись, стояли друг против друга, потом Ворон сделал вид, что потерял интерес к конфликту, и с некоторой леню в голосе проговорил:

– Сам не знаю! Они, прежде чем стрелять, орал, что мы сперли у них какую-то книгу. Кто-то пальнул, ну и понеслось.

– Какую книгу? – удивился Франц.

– Говорю же – не знаю! – Ворон высунулся в окно, выстрелил и тут же нырнул обратно, пуля немедленно ударила в деревянную раму. – Давайте быстрее к окну, не до разговоров сейчас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.